

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 2(12) / 2017

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-57507 от 27.03.2014

ИЗДАЕТСЯ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ

кандидат юридических наук, доцент

ВЫПУСКАЮЩИЙ

РЕДАКТОР

Е. К. СОГРИН

ВЕРСТКА

А. Е. ШРАЙБЕР

КОРРЕКТОР

В. С. ФЁДОРОВ

ПЕРЕВОД

М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «ЭСКУЭЛА»

**ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»**

РЕДАКЦИЯ, ИЗДАТЕЛЬ:

Россия, 454080,

г. Челябинск, а/я 12550

Тел./факс: 8 (351) 231-09-91

E-mail: victimology@mail.ru

www.victimo.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов

Журнал индексируется в наукометрической базе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – elibrary.ru.

Полнотекстовые версии статей, опубликованных в журнале размещены в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» – cyberleninka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

П. А. КАБАНОВ

доктор юридических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Ю. А. ВОРОНИН

доктор юридических наук, профессор

Е. В. АНДРИЕНКО

доктор педагогических наук, профессор

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ

доктор юридических наук, профессор

Я. И. ГИЛИНСКИЙ

доктор юридических наук, профессор

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ

доктор психологических наук, профессор

В. Е. КВАШИС

доктор юридических наук, профессор

Р. А. САБИТОВ

доктор юридических наук, профессор

З. Р. ТАНАЕВА

доктор педагогических наук, доцент

П. Н. ФЕЩЕНКО

кандидат юридических наук, доцент

Э. Г. ЮЗИХАНОВА

доктор юридических наук, профессор

VICTIMOLOGY

No. 2(12) / 2017

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA
CERTIFICATE ПИ No. ФС 77-57507 of March 27, 2014
THE JOURNAL IS PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV
candidate of law sciences,
associate professor

MANAGING EDITOR

E. K. SOGRIN

PAGE-PROOFS

A. E. SCHREIBER

PROOFREADING

V. S. FEDOROV

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS:

LLC «ESCUELA»

**LLC «SOUTH-URAL LAW BULLETIN»
EDITORIAL OFFICE:**

Russia, 454080,
Chelyabinsk, p. o. 12550
Phone/fax: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru
www.victimo.ru

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law

The journal is indexed in neurometricstion database of the Russian index of scientific citation (RISC) – elibrary.ru.

Full-text versions of articles published in the journal posted in the scientific electronic library «Cyberleninka» – cyberleninka.ru

EDITORIAL BOARD:

CHAIRMAN:

P. A. KABANOV
doctor of law sciences, associate professor

VICE-CHAIRMAN:

Yu. A. VORONIN
doctor of law sciences, professor

E. V. ANDRIENKO

doctor of pedagogical sciences, professor

K. V. VISHNEVETSKIJ

doctor of law sciences, professor

YA. I. GILINSKY

doctor of law, professor

N. I. IOGOLEVICH

doctor of psychological sciences, professor

V. E. KVASHIS

doctor of law, professor

R. A. SABITOV

doctor of law sciences, professor

Z. R. TANAEVA

doctor of pedagogical sciences, associate professor

P. N. FESHCHENKO

candidate of law sciences, associate professor

E. G. YUZIKHANOVA

doctor of law sciences, professor

ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

КАБАНОВ П. А.

Виктимологическое измерение последствий современной Российской преступности: криминологический анализ официальной статистики 2009–2016 гг. 5

БОЙКО О. А., ПАНОВ С. Л.

Хищение коммунальных ресурсов: Детерминанты и меры противодействия 24

КУЗЬМИНА Н. В.

Виктимологический аспект противоправной и конфликтной деятельности организованных этнических групп 30

ВИКТИМНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ

КАШКАРОВ А. А.

Виктимная амбивалентность на примере взяточничества 35

ИЛЬЮК Е. В.

Архетип криминального и виктимного поведения 39

МУЛЛАХМЕТОВА Н. Е.

Жертвы преступлений с психическими расстройствами: виктимологический и уголовно-процессуальный аспекты . . . 46

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

УТКОВ П. Ю.

Суицидальность несовершеннолетних как фактор эмоционального выбора образца виктимного поведения при кризисном состоянии (прогноз на XXI век). 51

КАЛАШНИКОВ О. Д.

Привилегированная виктимность как следствие психологического домашнего насилия 57

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

ШТЕФАН А. В.

Особенности предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних в семье по законодательству зарубежных стран. 63

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 72

IN THIS ISSUE

VICTIMOLOGY OF CRIME

KABANOV P. A.

Victimological measurement of consequences contemporary Russian crime: Criminological analysis of official statistics 2009-2016.5

BOYKO O. A., PANOV S. L.

Purification of municipal resources: Determinants and measures of co-operation.24

KUZMINA N. V.

Victimological aspect of the opposite and conflict activity of organized ethnic groups.30

VICTIMITY OF CONDUCT

KASHKAROV A. A.

Victual ambivalence, by the example of bribery.35

ILYUK E. V.

Archetype of criminal and victual behavior.39

MULLAKHMETOV N. E.

Victims of crimes with mental disorders: victimological and criminal-procedural aspects.46

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL VICTIMOLOGY

UTKOV P. YU.

Suicidal 'nost' of minors as a factor of emotional choice sample viktirnogo behaviour in crisis (21)51

SUKHAREV A. A.

Privileged victimity as the consequence of psychological home violence57

FOREIGN EXPERIENCE

SCHTEFAN A. V.

Features of warning of violence in regard to minor in family softwares to legislation offoreign countries.63

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles in the scientific journal «VICTIMOLOGY»72

Кабанов П.А.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ 2009– 2016 ГГ.

В статье на основе официальных статистических данных МВД России за 2009–2016 гг. проведено краткое виктимологическое измерение последствий российской преступности. Установлены основные тенденции криминальной виктимности в России в исследованный период, а также основные тенденции отдельных видов негативных последствий – криминальной смертности и криминального травматизма, в том числе и отдельных социальных групп с повышенной криминальной виктимностью (женщин и несовершеннолетних).

Ключевые слова: жертва, виктимология, криминальная виктимность, криминальная смертность, детская криминальная виктимность, женская криминальная виктимность, виктимологическая статистика.

Об актуальности проведенного исследования.

Эффективное противодействие преступности в современном российском обществе не возможно без анализа социальных последствий преступности, которые можно, пусть и не в полном объеме, но получать из данных официальной ведомственной правовой (юридической, уголовной, судебной, моральной, криминальной) статистики. Следует иметь в виду, что официальные статистические данные лишь в самом общем виде могут выявить те тенденции, которые с очевидностью отражают отдельные показатели преступности в обществе (состояние, динамику, структуру, уровень и др.). Современная российская криминаль-

ная статистика позволяет изучать различные аспекты преступного поведения в обществе, в том числе виктимологические, формируя собственную информационную базу данных – виктимологическую статистику. Виктимологическая статистика – это одно из важнейших направлений современной уголовно-правовой (криминальной) статистики, которое наиболее полно характеризует негативные социальные последствия преступности [16, с.28–32; 19, с.107–112; 39, с.25; 41, с.174–177; 46, с.47–48; 47, с.184–188; 53, с.22–24; 56, с.370–375], иногда именуя их специфическим термином «жертвоприношение преступности» [49, с.250–285] или отдельного её вида [7, с.12–21; 12, с.4–9; 57, с.342–344].

Современные исследователи криминальных явлений и процессов в обществе понимают, что не один вид статистического учета преступности не является идеальным инструментом её измерения, в том числе негативных последствий, воспроизводимых ею. На очевидные недостатки отечественной и зарубежной официальной криминальной статистики: неполноте и искаженности показателей, указывают современные российские исследователи [10, с.47–62; 24, с.178; 44, с.775; 45, с.48; 59, с.12; 60; 61, с.21–23; 62, с.48–64]. Вместе с тем, невзирая на такое отношение к статистическим количественным показателям преступности игнорировать их полностью было бы не рационально. Более того, анализ основных количественных показателей, характеризующих последствия преступности, крайне необходим, поскольку он корректирует криминальную статистику, которая уже относительно продолжительное время показывает снижение преступности в современном российском обществе и за рубежом [13, с.93–94; 14, с.3–8; 15, с.36–40]. Хотя по итогам 2015 года в Российской Федерации наблюдался рост преступности на 8,6% по сравнению с пре-

Хронологические рамки исследования.

Выбор периода исследования 2009–2016 годы обусловлен доступностью статистических данных о потерпевших от преступлений и состоянии преступности в Российской Федерации. Если в 2009 году было зарегистрировано 2994820 преступлений, то к 2016 году произошло снижение преступности до 2160063 преступлений, то есть более чем на четверть (27,9%) с небольшим скачком этого показателя в 2015 году. Вместе с тем, в рассматриваемый нами период снизилось и количество учтенных потерпевших по возбужденным уголовным делам. Если в 2009 году их было зарегистрировано 2241710, то в 2016 году – 1787911, то есть на 20,2% меньше с небольшим увеличением в 2015 году, вызванным ростом преступности. При этом снижение количества потерпевших от преступлений в 2016 году произошло на 9,8%. Разница между показателями, отражающими снижение уровня преступности и показателями, указывающими на снижение уровня виктимности, в рассматриваемый нами период составляет 7,7%. (См. Таблицы №1 и №2.)

Таблица №1

Динамика изменения преступности и криминальной виктимности в России (2009-2012 гг.)

	2009	2010	2011	2012
преступлений	2994820	2628799	2404807	2302168
потерпевших	2241710	2062937	1924192	1895970

Таблица №2

Динамика изменения преступности и криминальной виктимности в России (2013-2016 гг.)

	2013	2014	2015	2016
преступлений	2206249	2190578	2388476	2160063
потерпевших	1822767	1819811	1949050	1787911

дыдущим годом, который был в последующем ней-трализован резким спадом количественных показателей преступности в 2016 году на 9,6%.

Анализ приведенных статистических показателей свидетельствует о том, что наравне со снижением (увеличением) количественных показателей российской

¹ Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации размещены на официальном сайте МВД России в сети Интернет. Режим доступа [http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/]

² Данные о количестве потерпевших по уголовным делам за рассматриваемый период представлены ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» по нашему запросу, за что мы признательны руководителям и сотрудникам этой организации.

преступности, происходит и снижение (увеличение) количества жертв преступлений, хотя и более низкими темпами, чем количество зарегистрированных (учтенных) преступлений. Однако, криминологических исследований, посвященных анализу таких расхождений и в целом виктимологическому измерению российской преступности, не происходит. К тому же криминологический анализ виктимологических данных российской преступности в самом общем виде (количество погибших, получивших тяжкий вред здоровью, среди них женщин и детей) был представлен ВНИИ МВД России лишь по итогам 2005 года [54, с.173–174] и научном докладе Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2010–2014 гг. [21, с.81–84].

Такое положение дел в российской криминологической науке не способствует объективной оценке криминогенной обстановки в обществе и, как следствие, выработке эффективных мер противодействия преступности. Это свидетельствует об актуальности виктимологического измерения преступности в России с использованием показателей официальной ведомственной виктимологической статистической информации.

В целях выявления основных тенденций, отражающих негативные социальные последствия преступности в современной России необходимо осуществить криминологический анализ основных виктимологических статистических показателей преступности. Достижение названной цели невозможно без глубокого анализа количественных статистических показателей, характеризующих:

а) динамику последствий российской преступности по количеству выявленных (установленных и зарегистрированных) жертв;

б) характер последствий жертвоприношения преступности;

в) структурные закономерности жертвоприношения преступности, в том числе и отдельных категорий потерпевших с повышенной социальной уязвимостью или криминальной виктимностью – женщин и детей [6; 8, с.73–74; 9, с.101–102; 11, с.48–49; 17, с.43–45; 18, с.48–49; 22, с.43; 23, с.86–87; 38, с.69; 50, с.44–45; 20, с.71–72; 21, с.40–41; 48, с.31–33; 58, с.53–55;].

Связь проведенного исследования

с предыдущими работами автора. Представленная работа является продолжением исследований и цикла публикаций автора по вопросам измерения последствий преступности и/или её отдельных видов виктимологическими средствами, которые с различной степенью регулярностью публикуются в отечественных [25, с. 568–574; 26, с.10–21; 27, с.4–8; 28, с.76–80; 29, с.16–23; 30, с.108–126; 31, с.48–53; 32, с.529–534; 33, с.14–19; 34, с.52–56; 35, с.13–23; 36, с.7–23; 37, с.129–131] и зарубежных [1, с. 35–39; 2; 3, с.1–7; 4] научных периодических изданиях.

О терминологии исследования.

Поиск измерения последствий российской преступности с использованием официальных количественных данных виктимологической статистики позволил автору адаптировать определенные термины и словосочетания, используемые в различных науках к проблематике исследования. Таковыми являются: криминальная смертность, криминальный травматизм, детская криминальная смертность, женская криминальная смертность, криминальная виктимность, женская криминальная виктимность, детская криминальная виктимность, корпоративная криминальная виктимность, женский и детский криминальный травматизм с учетом тяжести причиненного вреда здоровью и некоторые другие. В той или иной степени содержание этих терминов и словосочетаний изложены в предыдущих опубликованных работах автора по данной проблематике и поэтому в данном исследовании их значение повторно не раскрывается.

Содержание проведенного исследования.

Обратившись к количественным виктимологическим показателям последствий российской преступности, в начале исследуемого периода (2009–2014 гг.) мы обнаружим положительную тенденцию – ежегодное снижение количества потерпевших от преступлений. Такое снижение происходило следующим образом: в 2009 году их было признано и учтено 2241710, в 2010 г. – 2062937, в 2011 г. – 1924192, в 2012 г. – 1895970, в 2013 г. – 1822767, в 2014 г. – 1819811. В этот период с очевидностью просматривается устойчивая позитивная тенденция к снижению общего количества жертв криминального поведения в российском обществе.

Однако статистическое благополучие продолжалось не долго, в 2015 году произошел рост количественных показателей преступности до 2388476 учтенных преступлений и, как закономерное следствие, одновременно произошло увеличение количества жертв преступлений до 1949050. Этот непроизвольный криминогенный всплеск преступности и виктимности в России был погашен уже в следующем году.

По итогам 2016 года уровень преступности в Российской Федерации снизился до 2160063 зарегистрированных преступления. В тоже время уровень криминальной виктимности в обществе опустился до минимального уровня за весь период наблюдения и составил 1787911 потерпевших от преступлений. Это свидетельствует о том, что в исследуемый период тенденция снижения уровня преступности и криминальной виктимности в России носит устойчивый характер.

К числу важнейших количественных показателей, характеризующих последствия российской преступности, следует отнести структуру потерпевших от преступлений. В исследуемый нами период среди жертв криминального поведения российскими правоохранительными органами было зарегистрировано и учтено 13377108 физических лиц, и 2127240 юридических лиц. Соотношение этих двух категорий жертв показывает, что физические лица более чем в шесть раз чаще становятся потерпевшими от преступлений, чем юридические. (См. Диаграмму №1)

Обратившись к анализу виктимологических показателей жертв преступности, мы увидим, что в 2009 году юридические лица были признаны потерпевшими от преступлений 288531 раз, в 2010 г. – 277747, в 2011 г. – 267473, в 2012 г. – 256621, в 2013 г. – 255825, в 2014 г. – 257151, в 2015 г. – 280219, в 2016 г. – 234673. (См. График №1).

Анализ статистических данных показывает, что темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц в период с 2009 по 2013 гг. составили 11,3% или на 7,7% ниже чем в целом по общему количеству учтенных жертв криминального поведения. В тоже время в период с 2014 по 2015 годы просматривается тенденция к росту этого показателя в 2014 году на 0,5%, а в 2015 году уже на 7,2% по сравнению с предыдущим годом, приближаясь к максимуму 2009 года.

В 2016 году произошло резкое снижение количества жертв преступлений из числа юридических лиц на 16,3% по сравнению с показателями предыдущего года. В этом году количественные показатели юридических лиц жертв преступлений достигли статистического минимума за исследуемый период. Темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц за исследуемый период составили 18,7%, что на 1,5% ниже чем общее снижение криминальной виктимности за тот же период.

Следует отметить, что в тоже время физические лица становились жертвами преступлений в 2009 году 1953179 раз, в 2010 г. – 1785190, в 2011 – 1656719, в

Структура жертв преступности
в России (2009-2016 гг.)

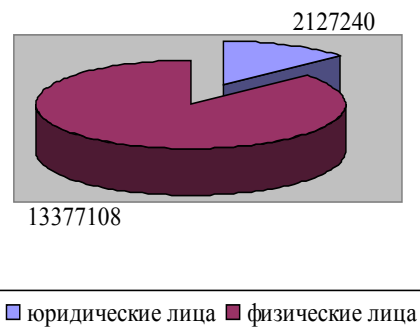

Диаграмма №1

Динамика регистрации юридических лиц в качестве жертв преступлений в России (2009-2016 гг)

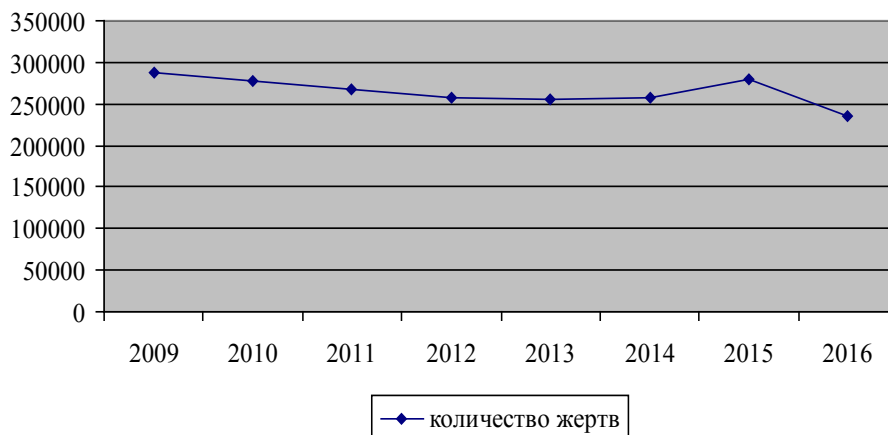

График №1

2012 г. – 1639349, в 2013 г. – 1566942, в 2014 г. – 1562660, в 2015 г. – 1668831, в 2016 г. – 1544238. Темпы снижения статистических показателей жертв российской преступности из числа физических лиц в период с 2009 по 2014 год составили 20% или несколько выше, чем общее темпы общего снижения жертв преступности. Только в 2015 году наблюдался рост общего количества физических лиц, признанных потерпевшими от преступлений по уголовным делам на 6,4%. В 2016 году этот показатель вновь стал снижаться и по итогам года снизился на 7,5%, продолжив тенденцию снижения этого показателя. (См. График №2).

Снижение показателя криминальной виктимности физических лиц за весь ис-

следуемый период составил 20,9%, что выше темпов снижения этого показателя криминальной виктимности российского общества на 0,7%.

Анализ статистических данных показал, что просматривается общая тенденция стабильного снижения количества учтенных жертв преступлений в период с 2009 по 2014 гг., которая затрагивала обе категории потерпевших, хотя и снижение происходило различными темпами. В 2015 году одновременно отмечается значительный рост количества зарегистрированных потерпевших от преступлений как юридических, так и физических лиц. При этом темпы прироста потерпевших юридических лиц выше, чем темпы прироста физических лиц. Резкое

Динамика регистрации физических лиц в качестве жертв преступлений в России (2009-2016 гг.)

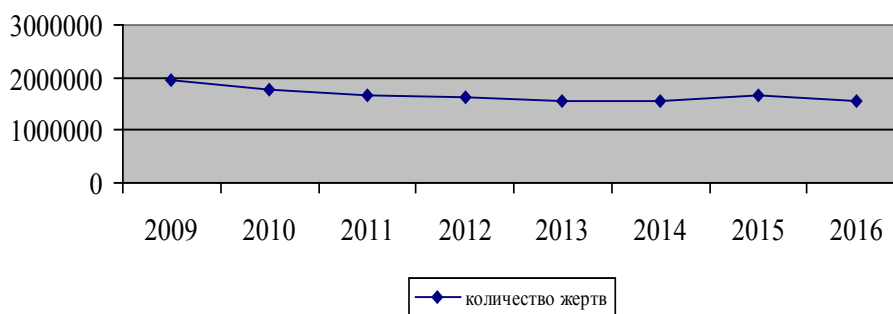

График №2

снижение общего количества жертв преступлений в 2016 году до статистического минимума подчеркивает общий тренд на снижение криминальной виктимности как физических, так и юридических лиц. При этом темпы снижения криминальной виктимности физических лиц выше, чем криминальной виктимности юридических лиц.

Сравнение темпов снижения преступности и криминальной виктимности в обществе показало, что темпы снижения преступности выше темпов снижения криминальной виктимности в нем. В связи с этим можно говорить о том, что показатели криминальной виктимности в обществе более стабильны, чем показатели преступности.

только по этим двум категориям жертв (женщины и дети).

Криминальная виктимность женщин.

За исследуемый нами период в России общее количество учтенных потерпевших женского пола попавших в виктимологическую статистику составило 6222176 человек или 46,5% от общего количества жертв из числа физических лиц. По календарным годам них было зарегистрировано и учтено российскими правоохранительными органами в 2009 г. – 893060 человек, в 2010 г. – 824836, в 2011 г. – 757889, в 2012 г. – 751005, в 2013 г. – 733046, в 2014 г. – 739638, в 2015 г. – 791092, в 2016 г. – 731610. (См. График №3).

Динамика потерпевших от преступлений лиц женского пола в России (2009-2016 гг)

График №3

Безусловно, общественная опасность преступности увеличивается, если её жертвами становятся наименее защищенные слои населения: женщины, дети, в том числе и сироты, лица пожилого возраста, инвалиды. Однако российская виктимологическая статистика в рассматриваемый нами период стабильно фиксировала показатели по двум категориям: несовершеннолетние жертвы преступлений и женщины. По иным критериям, жертв преступлений (лица пожилого возраста, дети-сироты, инвалиды, мигранты, безработные и др.) стали выделяться в отдельную категорию лишь после 2014 года, ранее они учитывались в общих показателях, не выделяясь в особые социальные группы с повышенной криминальной виктимностью. Поэтому дальнейший анализ жертвоприношения российской преступности за весь исследуемый период нами будет проводиться

Анализ статистических сведений показал, что в период с 2009 по 2013 гг. произошло снижение общего количества учтенных женщин жертв преступлений на 17,9%. Этот показатель на 1,1% меньше общего снижения учтенного количества жертв российской преступности из числа физических лиц за этот же период. Вместе с тем в 2014 году наметилась обратная тенденция – увеличение количества потерпевших от преступлений женского пола на 0,9% по сравнению с предыдущим годом, а в 2015 году этот показатель возрос по сравнению с 2013 годом уже на 7,3%.

В 2016 году ситуация изменилась в лучшую сторону. В этом году произошло снижение количества потерпевших данной категории на 7,5% и достигло своего минимума.

Снижение показателя женской криминальной виктимности в Российской

Федерации в 2016 году по сравнению с базовым 2009 годом достигло 18,2%, но оказалось ниже на 2%, чем общий показатель криминальной виктимности за тот же период и на 2,7% ниже, чем этот же показатель для физических лиц.

Криминальная виктимность несовершеннолетних.

Если обратимся к статистическим показателям, характеризующих общее количество несовершеннолетних жертв преступного поведения, то обнаружим, что в рассматриваемый нами период в Российской Федерации их было признано таковыми 754877 человек или 5,6% от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц.

Обратившись к динамике признания несовершеннолетних потерпевшими по возбужденным уголовным делам, мы обнаружим, что в 2009 году их было признано

в 2016 году этот показатель увеличивается уже на 12,1% к показателю 2013 года.

В 2016 году происходит резкое снижение криминальной виктимности несовершеннолетних. Количество учтенных несовершеннолетних жертв преступлений снижается до минимума за весь исследуемый нами период и составляет 78698 или на 27,6% ниже по сравнению с 2009 годом. В исследуемый нами период темпы снижения детской криминальной виктимности в России оказались выше, чем общее снижение криминальной виктимности физических лиц на 6,7%.

Обращаясь к общим тенденциям криминальной виктимизации несовершеннолетних как категории лиц с повышенной социальной и криминальной уязвимостью можно отметить, что этот показатель в рассматриваемый нами период имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Динамика регистрации жертв преступлений несовершеннолетнего возраста в России (2009-2016 гг.)

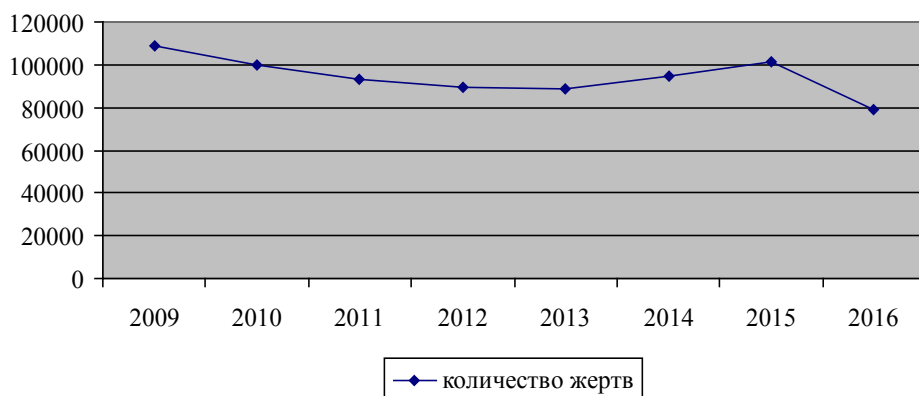

График №4

таковыми 108718 человек, в 2010 г. – 100227, в 2011 г. – 92912, в 2012 г. – 89183, в 2013 г. – 89053, в 2014 г. – 94765, в 2015 г. – 101321, в 2016 – 78698. (См. График №4)

Анализ полученных статистических данных позволяет констатировать, что в период с 2009 по 2013 гг., очевидна тенденция к снижению количества учтенных жертв преступлений несовершеннолетнего возраста приблизительно в том же процентном соотношении что и у женщин – 18,1%, но ежегодные темпы снижения становятся значительно ниже и уже в 2014 году происходит рост этого показателя на 6% к предыдущему году, а в 2015

Криминальная смертность как показатель, характеризующий повышенную опасность российской преступности. Криминальная смертность как качественный показатель негативных последствий преступности отечественными специалистами используется очень редко без дополнительной её классификации на виды [5, с.10-14; 43, с.62-63; 55, с.66-71]. Однако внутри общего показателя «криминальная смертность» можно выделять видовую криминальную смертность в зависимости от оснований классификации. В качестве оснований классификации могут выступать:

– вид совершенного преступления в отношении жертвы (насильственные, неосторожные, автотранспортные, вооруженные и др.);

– социально демографические данные жертвы (несовершеннолетние, пожилые, иностранцы, женщины, сироты, мигранты, лица, без определенного места жительства и др.);

– правовые (лица, ранее судимые, лица, находящиеся под административным надзором, осужденные и т.д.). Этот перечень можно и продолжить, но не все эти статистические сведения о различных видах жертв могут размещаться в базе данных ведомственного учета потерпевших от преступлений. Наш научный интерес направлен, в первую очередь, на две категории социально-уязвимых лиц – несовершеннолетних и женщин, которые подчеркивают повышенную опасность этого показателя.

Важнейшим базовым показателем, характеризующим качество жертвоприношения преступности, является общее количество погибших в результате совершенных преступлений или криминальная смертность. В исследуемый нами период на территории Российской Федерации погибло 248156 человек или 1,9% от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц, среди них более чем треть – это интересующие нас наименее социально защищенные слои населения: 17016 человек или 6,9% оказались несовершеннолетними и 72542 или 29,2% – женщинами.

Как беспристрастно говорят статистические показатели, в 2009 году было учтено погибшими от преступлений 31089

человек, в 2010 г. – 30275, в 2011 г. – 30476, в 2012 г. – 31736, в 2013 г. – 31111, в 2014 г. – 32611, в 2015 г. – 31854, в 2016 г. – 29933. (См. График №5).

Официальные статистические данные указывают на относительную стабильность показателя погибших от преступлений, при снижении в 2010-2011 годах и повышении в 2012-2014 гг. При этом в период 2015-2016 гг. происходит снижение этого скорбного показателя, достигая по итогам 2016 года минимума. Характеризуя в целом показатель криминальной смертности можно отметить, что к 2016 году он снизился, по сравнению с базовым 2009 годом на 3,7% при этом снижение шло не стабильно, а волнообразно, прерываясь ростом в 2012-2014 годах.

Наиболее трагичным показателем криминальной смертности как последствия российской преступности выступает **детская криминальная смертность**. Статистические показатели показывают, что в рассматриваемый нами период в России было учтено 17 016 несовершеннолетних, погибших в результате совершения преступлений. Если в 2009 году общее количество учтенных погибших от преступлений лиц несовершеннолетнего возраста составляло 1613 человек, то в последующие пять лет этот количественный показатель только возрастал. В 2010 году он составил 1684, в 2011 г. – 1731, в 2012 г. – 2139, в 2013 г. – 2174, в 2014 г. – 2553, в 2015 г. – 2727. Темпы прироста детской криминальной смертности в России в рассматриваемый нами период составили 40,9% или в среднем более чем на 5,5% ежегодно.

Динамика криминальной смертности
в России (2009-2016 гг.)

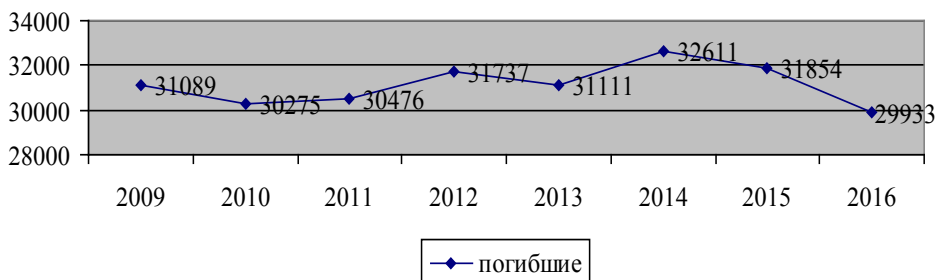

График №5

Динамика показателей детской криминальной смертности в России (2009-2016 гг.)

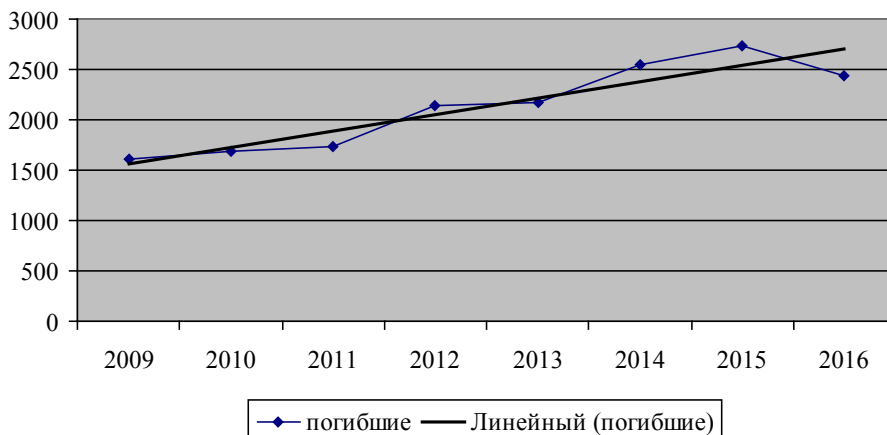

График №6

В общей структуре учтенных жертв преступлений в России несовершеннолетнего возраста детская смертность составляла 2,2%.

Как показывают статистические данные только по итогам 2016 года детская криминальная смертность значительно сократилась до 2443 погибших или на 10,5% меньше чем в предыдущем году. Однако этот показатель в полтора раза выше показателя базового 2009 года, поэтому линия тренда указанная на графике №6 свидетельствует о неблагоприятной тенденции – увеличении показателей детской криминальной смертности в России. (См.График №6)

Основным виктимологическим показателем, характеризующим негативные последствия российской преступности, является удельный вес детской криминальной смертности в структуре учтенных жертв преступлений лиц несовершеннолетнего возраста.

Как свидетельствуют исследованные нами статистические данные, в 2009 году удельный вес детской смертности от преступлений составлял всего лишь 1,48% от общего количества учтенных жертв несовершеннолетнего возраста, то в 2010 г. – 1,68%, в 2011 г. – 1,86%, в 2012 г. – 2,4%, в 2013 г. – 2,44%, в 2014 г. – 2,64%, в 2015 г. – 2,69%, в 2016 г. – 3,1%.

Полученные и обработанные нами статистические данные показывают негативную тенденцию последствий рос-

сийской преступности в исследуемый период – рост детской криминальной смертности в структуре жертв несовершеннолетнего возраста.

Не менее значим для исследования детской криминальной смертности такой показатель как удельный вес смертей несовершеннолетних в структуре общей криминальной смертности. Проведенные нами вычисления показали, что этот показатель в 2009 году составил 5,2%, в 2010 г. – 5,6%, в 2011 г. – 5,7%, в 2012 г. – 6,7%, в 2013 г. – 7,0, в 2014 г. – 7,9%, в 2015 г. – 8,6%, в 2016 г. – 8,2%.

Анализ показателей в динамике показывает, что в общей структуре криминальной смертности в России детская криминальная смертность в исследуемый период увеличилась более чем в полтора раза.

Проведенный нами анализ количественных и качественных показателей, характеризующих детскую криминальную смертность позволяет сделать вывод о том, что в современном российском обществе очевидна устойчивая тенденция к росту детской смертности от совершения преступлений при снижении общего количества учтенных жертв преступлений несовершеннолетнего возраста. При этом постоянно увеличивается доля детской криминальной смертности как в структуре общей криминальной смертности, так и в общей структуре жертв несовершеннолетнего возраста. Это свиде-

тельствует о негативных изменениях – увеличении тяжести характера последствий преступности в современном российском обществе.

Не менее трагичны и информативны статистические показатели, характеризующие **женскую криминальную смертность**. В рассматриваемый нами период женская криминальная смертность составила 72542 человек. Как показывают статистические данные, в 2009 году российскими правоохранительными органами было выявлено и учтено 8868 смертей женщин от преступных посягательств, в 2010 г. – 8678, в 2011 г. – 8514, в 2012 г. – 9189, в 2013 г. – 9112, в 2014 г. – 9402, в 2015 г. – 9630, в 2016 г. – 9149. (См. График №7).

Количественные показатели российской виктимологической статистики свидетельствуют о том, что в период с 2009 по 2011 гг. отмечалось снижение криминальной смертности женщин в абсолютных показателях, а в 2012 году она резко поднялась на 7,3% и лишь несколько сократилась в 2013 году, но по-прежнему остается выше, чем в предыдущие 2009-2011 годы. Темпы прироста женской криминальной смертности в

2013 году, по сравнению с базовым 2009 годом составили 2,8%, в 2014 г. – 5,7% и в 2015 г. – 7,9%. Только по итогам 2016 года женская криминальная смертность снизилась на 5%, то есть почти до уровня 2013 года, но по сравнению с 2009 годом она возросла на 3,1%. Если посмотреть на график, то видно, что женская криминальная смертность в исследуемый нами период распределена волнообразно, но эта волна женской криминальной смертности поднимается в гору. Линия тренда, отраженная на графике №7, свидетельствует о негативных тенденциях женской криминальной смертности в современном российском обществе.

Если обратится к относительному показателю – удельному весу женской смертности в общей структуре женщин пострадавших от преступлений мы обнаружим несколько иные тенденции. На протяжении периода с 2009 по 2014 годы доля женской смертности от преступного поведения в общей структуре женщин пострадавших от преступлений только росла. Если на начало исследуемого периода она составила 0,99%, то в последующем постоянно возрастала до 2015 года. В 2010 году этот показатель составил

Женская криминальная смертность в России (2009-2016 гг.)

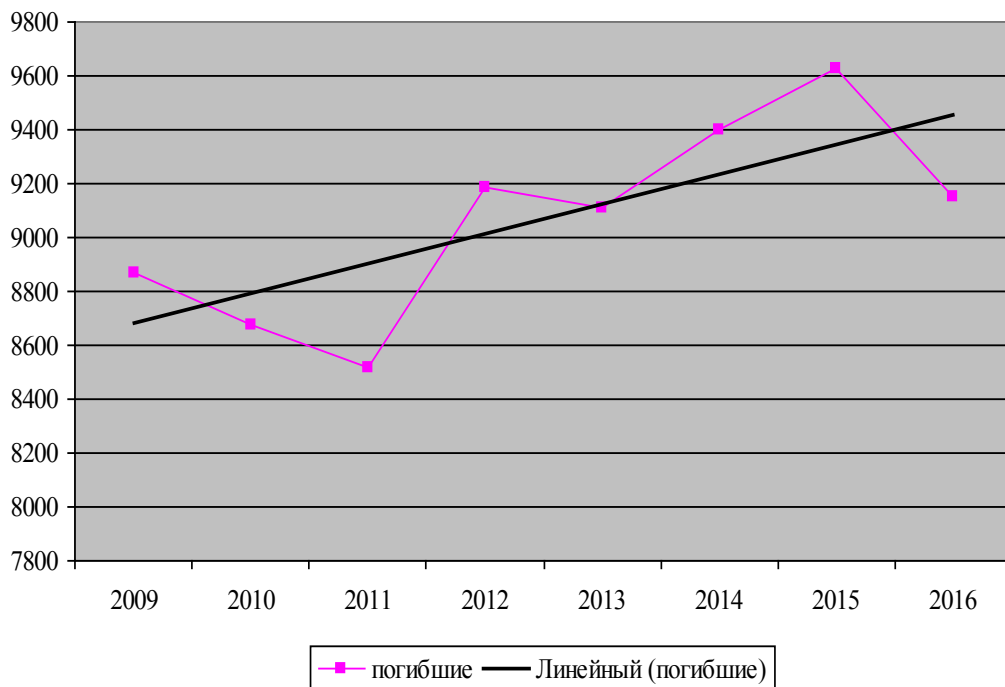

График №7

1,05%, в 2011 г. – 1,12%, в 2012 г. – 1,22%, 2013 г. – 1,24%, в 2014 г. – 1,27%, в 2015 г. – 1,22%, в 2016 г. – 1,25%. Однако начиная с 2015 года эта негативная тенденция стала изменяться. В 2015 году анализируемый показатель стал ниже на 0,05% показателя предыдущего года, но уже в 2016 году женская криминальная смертность поднялась по сравнению с 2015 годом на 0,03%.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в общей структуре учтенных женщин жертв преступлений в рассматриваемый период женская криминальная смертность составила всего лишь 1,17%.

Ещё одним относительным показателем, характеризующим состояние женской криминальной смертности, является её удельный вес в структуре общей криминальной смертности в России. Рассмотрим этот показатель в динамике. В 2009 году он составил 28,5%, в 2010 г. – 28,7%, в 2011 г. – 27,9%, в 2012 г. – 29,0%, в 2013 г. – 29,2%, в 2014 г. – 29,7%, в 2015 г. – 30,2%, в 2016 г. – 30,6%.

Приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что доля женской криминальной смертности в структуре общей криминальной смертности в исследуемый период возросла на 2,1%.

Анализ количественных и качественных показателей женской смертности от преступности позволяет сделать вывод о том, что в современном российском обществе имеется тенденция к росту показателей женской криминальной смертности при снижении общего количества учтенных женщин-жертв преступлений. При этом постоянно увеличивается доля женской криминальной смертности как в структуре общей криминальной смертности, так и в общей структуре жертв женского пола. Это свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в современной российской преступности – ухудшается характер её негативных социальных последствий.

Криминальный травматизм в структуре последствий российской преступности. Виктимологическое измерение криминального поведения может оказаться не полным без обращения к оценке количественных показателей отражающих причинение вреда здоровью потерпевшим, именуемого отечественными специалистами терминами

«криминальный травматизм» [20, с.72–79; 40, с.124–127] или «травматизм криминального характера» [42, с.99–102].

Современная отечественная официальная виктимологическая статистика особо выделяет лишь причинение двух видов причинения вреда здоровью потерпевших – тяжкого и средней тяжести, игнорируя причинение вреда здоровью меньшей тяжести. Исключение из этого правила выступают лишь статистические данные об умышленном причинении побоев, предусмотренных статьей 116 УК РФ. Учитывая такое положение дел, своё исследование мы ограничим лишь показателями о количестве лиц получивших тяжкий вред здоровью и средней тяжести вред здоровью.

В рассматриваемый нами период, судя по данным российской ведомственной официальной статистики, общее количество потерпевших получивших тяжкий вред здоровью (жертв криминального травматизма с тяжкими последствиями – примечание автора – П.К.) составило 334950 человек, а средней тяжести – 183853 или 2,5% и 1,4% соответственно в структуре жертв преступного поведения из числа физических лиц.

Статистические показатели, характеризующие общее количество потерпевших, получивших тяжкий вред здоровью в результате совершения преступлений, показывают, что в 2009 году было зарегистрировано 40745 потерпевших, которым был причинен тяжкий вред здоровью, то в 2010 г. – 39666, в 2011 г. – 39295, в 2012 г. – 41580, в 2013 г. – 42018, в 2014 г. – 43341, в 2015 г. – 45021, в 2016 г. – 43284. (См. График №8)

Прирост количества потерпевших, получивших тяжкий вред здоровью в исследуемый период, составил 5,1%, нейтрализовав относительно благополучные показатели 2010-2011 годов. Вместе с тем снижение данного показателя по итогам 2016 года позволяет нам надеется благоприятное изменение ситуации в будущем. Хотя линия тренда на графике №8 показывает на неблагоприятные тенденции.

Безусловно, общие тенденции последствий российской преступности по рассматриваемому нами показателю (криминальному травматизму) отразились и на показателях, характеризующих причинение тяжкого вреда лицам с повы-

Криминальный травматизм с тяжкими последствиями в России (2009-2016 гг.)

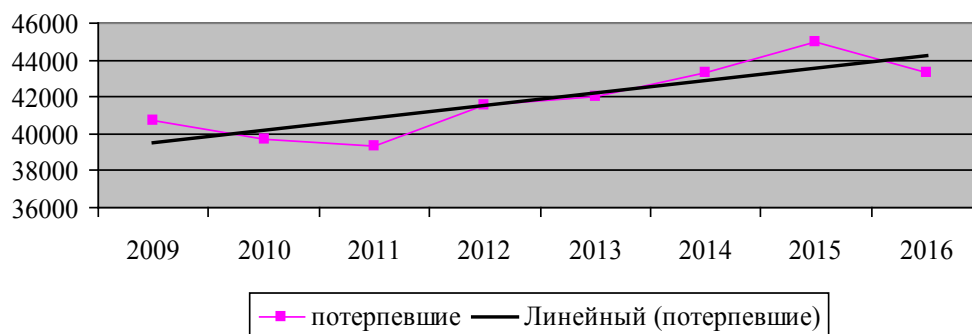

График №8

шенной криминальной виктимностью – несовершеннолетним и женщинам.

Анализ показателей характеризующих **детский криминальный травматизм**, позволил обратить внимание на то обстоятельство, что общее количество несовершеннолетних, получивших тяжкий вред здоровью (жертв детского криминального травматизма с тяжкими последствиями – примечание автора – П.К.), в рассматриваемый нами период, составило 21911 человек или 6,5% от общего количества учтенных жертв получивших такой вред. В тоже время количество женщин получивших тяжкий вред здоровью, составило 101722 человека или 30,4% от их общего количества учтенных жертв, получивших такой же вред здоро-

вью. Вместе с тем доля жертв получивших тяжкий вред здоровью в общей структуре учтенных жертв несовершеннолетнего возраста со-ставила 2,9%, а женщин – 1,67%.

Статистические показатели, характеризующие количество несовершеннолетних получивших тяжкий вред здоровью, распределились следующим образом: в 2009 году – 2432 человека, в 2010 г. – 2386, в 2011 г. – 2509, в 2012 г. – 2705, в 2013 г. – 2915, в 2014 г. – 3039, в 2015 г. – 3085, в 2016 г. – 2840. Прирост количества учтенных несовершеннолетних жертв криминального поведения, получивших тяжкий вред здоровью, в период с 2009 года по 2015 год составил 26,9% и свидетельствует о неблагоприятных тен-

Детский криминальный травматизм в России с тяжкими последствиями (2009-2016 гг.)

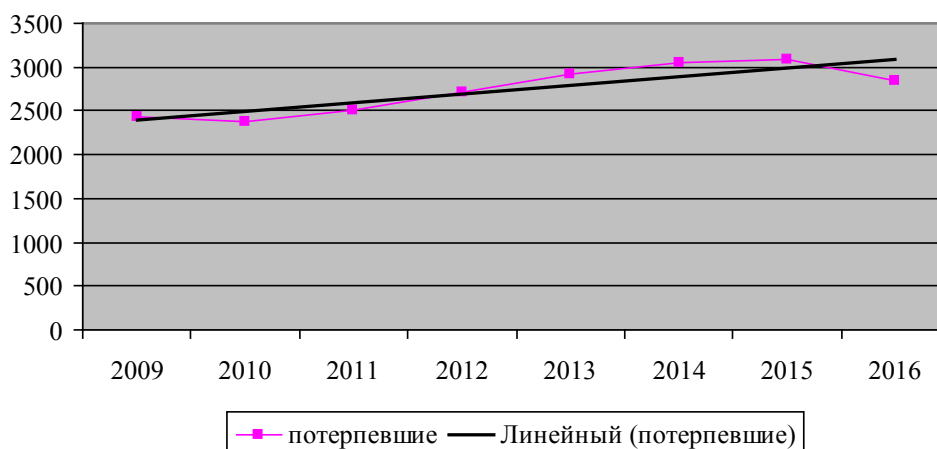

График №9

денциях в современной российской преступности. Снижение этого показателя в 2016 году на 7,9% по сравнению с предыдущим годом в целом не меняет его общую тенденцию роста, отражаемую на графике № 9.

Женский криминальный травматизм как негативное последствие современной преступности – мало исследованное явление. Однако полученные нами статистические сведения позволяют описать его. Количественные статистические показатели, характеризующие причинение преступным поведением тяжкого вреда здоровью женщинам (женский криминальный травматизм с тяжкими последствиями – примечание автора – П.К.), распределились таким образом: в 2009 году – 10014 человек, в 2010 г. – 9967, в 2011 г. – 10207, в 2012 г. – 11088, в 2013 г. – 11281, в 2014 г. – 11881, в 2015 г. – 12283, в 2016 г. – 12104. В рассматриваемый нами период прирост количества

пеннолетние и женщины) свидетельствует о неблагоприятных тенденциях характера последствий современной российской преступности – значительном приросте количества жертв криминального травматизма с тяжкими последствиями для лиц с повышенной криминальной виктимностью.

Для оценки последствий современной российской преступности не менее значимы показатели, характеризующие причинение вреда средней тяжести здоровью потерпевшим от преступлений (криминальный травматизм с причинением вреда здоровью средней тяжести – примечание автора – П.К.). В исследуемый нами период в России было зарегистрировано 183853 жертвы преступлений, получивших средней тяжести вред здоровью. Среди всех учтенных жертв, которым был причинен средний степени вред здоровью, оказались 8489 несовершеннолетними или 4,6% от их общего ко-

Женский криминальный травматизм с тяжкими последствиями в России (2009-2016 гг.)

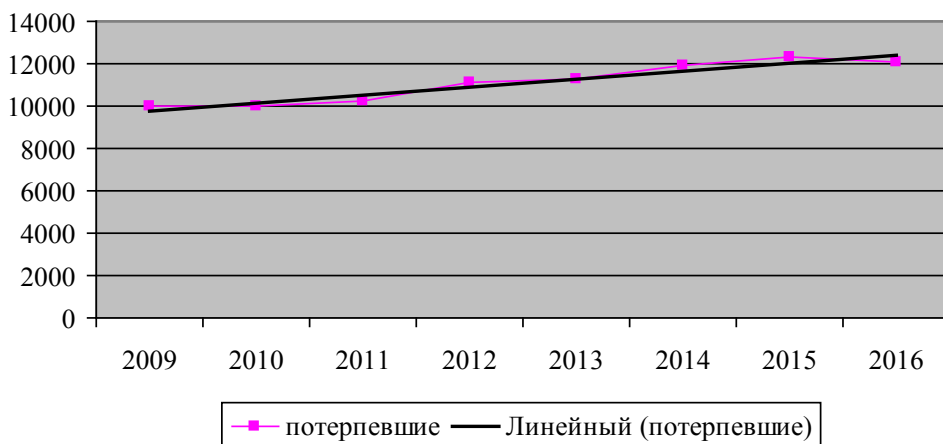

График №10

женщин жертв криминального травматизма, получивших тяжкий вред здоровью составил 17,3% и свидетельствует о неблагоприятных тенденциях характера последствий современной российской преступности. (См. График №10).

Следовательно, статистические показатели, характеризующие количество жертв в рассматриваемый нами период, получивших тяжкий вред здоровью, в разрезе по категориям с повышенной криминальной виктимностью (несовер-

личества и 43689 – женщинами или 23,8%. В общей структуре учтенных жертв несовершеннолетнего возраста лица, доля лиц, получивших средней тяжести вред здоровью, составила 1,1%, а среди женщин – 0,7%.

Количественные показатели, характеризующие в динамике состояние причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшим от преступлений, выглядят следующим образом: в 2009 году было учтено и признано таковыми 39772

Криминальный травматизм с причинением средней тяжести вреда здоровью в России (2009-2016 гг.)

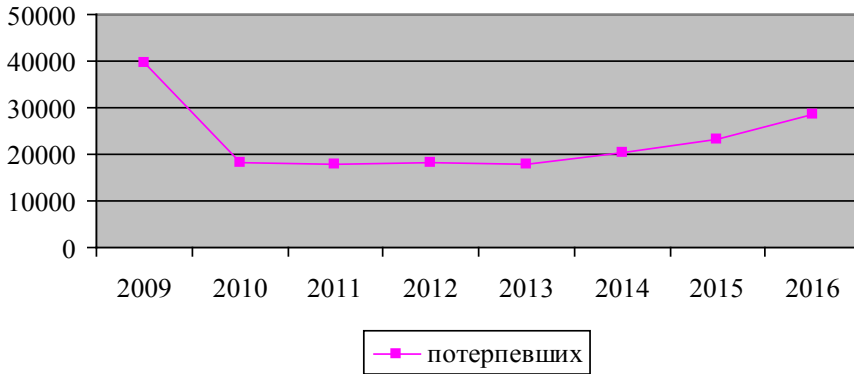

График №11

человека, в 2010 г. – 18292, в 2011 г. – 17724, в 2012 г. – 18075, в 2013 г. – 17734, в 2014 г. – 20201, в 2015 г. – 23380, в 2016 г. – 28675. (См. График №11).

В соответствии с полученными нами статистическими данными ярко просматривается более чем двукратное снижение количества жертв преступлений получивших средней тяжести вред здоровью в 2010 году по сравнению в 2009 годом и стабилизацией этого показателя в последующие три года, а потом значительный рост данного показателя в 2014-2016 гг. более на треть (38,2%). Эта общая неблагоприятная тенденция отразилась

средний тяжести вред здоровью (жертв детского криминального травматизма с причинением средней тяжести вреда здоровью – примечание автора – П.К.). Согласно статистическим данным, в 2009 году их общее количество составило 2403 человек, то в 2010 г. – 775, в 2011 г. – 770, в 2012 г. – 787, в 2013 г. – 695, в 2014 г. – 947, в 2015 г. – 919, в 2016 г. – 1190. (См. График №11)

Сравнивая ежегодные статистические показатели можно отметить, что прирост детского криминального травматизма с причинением вреда здоровью средней тяжести по сравнению с 2010 го-

Детский криминальный травматизм в России с причинение средней тяжести вреда здоровью (2009-2016 гг.)

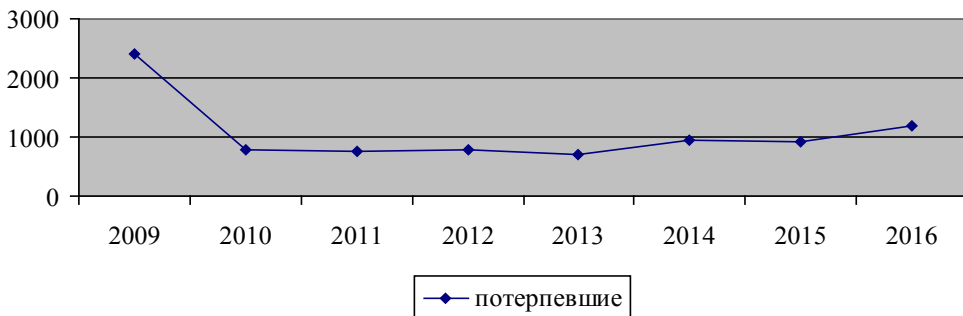

График №12

на показателях, характеризующих жертв криминального травматизма несовершеннолетнего возраста, получивших

дом в 2015 году составил 15,7%, а в 2016 уже 44,9%. Однако если этот показатель сравнивать с его значением в 2013 году,

то отмечается очевидный рост в 2014-2015 годах на 24,4%, а в 2016 году на 41,6%.

Следовательно, негативные тенденции детского криминального травматизма, связанного с причинением средней тяжести вреда здоровью, совпадают с общими тенденциями криминальным травматизмом, связанного с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Статистические показатели, характеризующие количество жертв преступлений получивших средней тяжести вред здоровью среди женщин (жертв женского криминального травматизма с причинением средней тяжести вреда здоровью –

Анализ статистических показателей женского криминального травматизма, повлекшего причинение средней степени тяжести вреда здоровью за исследуемый период показал, что с 2011 года наметилась негативная тенденция роста этого показателя, при снижении общего уровня преступности в обществе. Это свидетельствует об изменении структуры характера последствий преступности на более негативный характер.

Выводы по результатам исследования.

Проведенное нами виктимологическое измерение количественных показателей, характеризующих общее состоя-

Женский криминальный травматизм в России с причинением средней тяжести вреда здоровью (2009-2016 гг.)

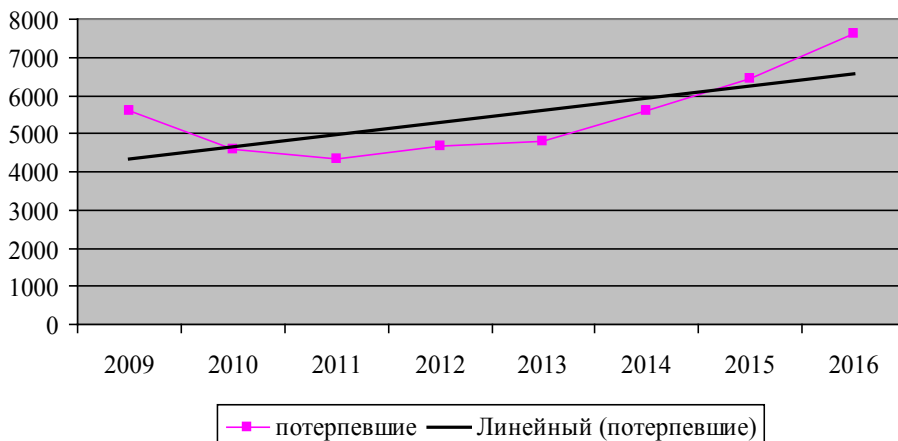

График №13

примечание автора – П.К.) выглядят несколько иначе. Так, в 2009 году эта категория жертв преступлений составила 5598 человек, в 2010 г. – 4609, в 2011 г. – 4356, в 2012 г. – 4673, в 2013 г. – 4805, в 2014 г. – 5610, в 2015 г. – 6427, в 2016 – 7611. (См. График 13).

Необходимо обратить внимание на снижение общего количества женщин-жертв преступлений получивших средней тяжести вред здоровью в 2010 году по сравнению с 2009 годом на 17,7%, а в 2011 году ещё на 5,5%, то в последующем мы видим только прирост этого показателя в 2012-2016 годах. Увеличение данного показателя за последние пять лет составило 42,8%. Наглядно о негативной тенденции показано линией тренда на графике №12.

ние характера последствий современной преступности в Российской Федерации за период с 2009 по 2016 годы, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, общее снижение преступности в Российской Федерации в период 2009-2014 гг. повлекло и снижение количества за-регистрированных и учтенных потерпевших от преступлений, при этом снижение темпов преступности опережало снижение темпов криминальной виктимности как одного из показателей последствий преступности. Рост количественных показателей российской преступности в 2015 году, повлек за собой и рост криминальной виктимности, а снижение уровня преступности в 2016 году вызвало снижение общего количества

жертв преступлений. При этом снижение уровня преступности в 2016 году было выше снижения уровня виктимности. Очевидна зависимость криминальной виктимности от состояния преступности в обществе.

Во-вторых, в структуре жертв современной российской преступности преобладают физические лица, доля юридических лиц в числе потерпевших от преступлений более чем в шесть раз меньше.

В-третьих, в современной российской преступности отчетливо просматриваются тревожные симптомы криминального неблагополучия. Среди них обращают на себя внимание качественные показатели, характеризующие её негативные последствия:

а) устойчивые темпы прироста детской и женской криминальной смертности в современном российском обществе;

б) устойчивые темпы прироста криминального травматизма, связанного с причинением тяжкого вреда здоровью этой категории жертв с повышенной криминальной виктимностью.

Следует отметить, что выявленные нами тенденции негативных социальных последствий современной российской преступности дают лишь её общую характеристику, а для более глубокого объяснения её негативных виктимологических тенденций необходимо дальнейшее исследование феномена жертвоприношения преступности с использованием не только официальной статистической

информации, но и других источников и методов познания.

Для изменения ситуации в познании современных тенденций негативных последствий российской преступности и её отдельных видов, уже в ближайшее время российским специалистам в области криминологии необходимо на основе данных виктимологической статистики:

– приступить к статистическому анализу виктимологических показателей негативных последствий по отдельным видам преступности (экономической, экологической, экстремистской, террористической, коррупционной, насильственной, транспортной, компьютерной и др.);

– определить состояние криминальной виктимности отдельных социальных групп (лиц без определенного места жительства, инвалидов, пожилых людей, женщин, детей, в том числе и детей сирот);

– заняться исследованием корпоративной виктимности (виктимности юридических лиц) и, возможно, разработкой криминальной корпоративной криминологии как относительно самостоятельной частной виктимологической теории.

Надеемся, что предложенные нами выводы и предложения окажутся полезными для дальнейшей оценки состояния негативных социальных последствий преступности в России, развития отечественной криминологии и одной из её отраслей – криминальной (криминологической) виктимологии.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Kabanov P.A. Victimization monitoring of corruption-related crime in the Republic of Belarus // *Archiv EvroEco*. 2014. Vol.2. №1. – С.35-39.

2. Kabanov P.A., Frolova I.I. Victimologic Measurement Crime in Russia: Criminological Analysis of the Effects // *Sociology and Criminology-Open Access*. 2016. Vol.4. №1. *Social Crimonol* 4:132. doi:10.4172/2375-4435.1000132.

3. Kabanov P.A., Hairutdinova L.R. Children's Criminal Mortality in Modern Russia: Victim Measurement // *SSRN Electronic Journal*. – 2015. – 29. June. – С.1-7. DOI: 10.2139/ssrn.2623450.

4. Kabanov P.A., Magizov R.R., Chirkov D.K. Victimological Measurement of Crime in the Republican of Tatar Stan // *Sociology and Criminology*. 2015. Vol.3. №2. doi:10.4172/2375-4435.1000125 URL:<http://www.esciencecentral.org/journals/victimological-measurement-of-crime-in-the-republican-of-tatar-stan-2375-4435-1000125.php?aid=66066>.

5. Акопов В.И. Криминальная смертность: искажения и ошибки статистики // *Медицинская экспертиза и право*. 2015. № 1. С. 10-14.

6. Банных Е.Н. Виктимологический аспект поведения женщин-жертв преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006;

7. Борисов С.Н., Артюх А.В. Генеалогия насилия: жертвоприношение как архетип терроризма // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 3-1. С.12-21.

8. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учебное пособие / под ред. С.Я. Лебедева. М., 2009.
9. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар, 2005.
10. Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1. С.47-62.
11. Гаджиева А.А. Виктимология: учебное пособие (курс лекций). – Махачкала: ДГУНХ, 2016.
12. Гарипов И.М. Кабанов П.А. Анализ статистических показателей о жертвоприношении коррупции в Республике Татарстан (2007-2009 гг.) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 9. С. 4-9.
13. Гишинский Я. Очерки по криминологии. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014.
14. Гишинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалист. 2016. №1(18). С.3-8.
15. Гишинский Я.И. Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: тезисы к размышлению // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С.36-40.
16. Глухова А.А. Виктимологическая статистика // Проблемы юридической науки и практики в исследованиях адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов. Вып.3. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. С.28-32.
17. Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности. Н. Новгород, 2005.
18. Глухова А.А., Изосимов С.В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия. Н. Новгород, 2010.
19. Глухова А.А., Устинов В.С. Понятие и значение виктимологической статистики // Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина в экономической сфере: Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 1998. С.107-112;
20. Добрынина С. Сроки расследования случаев «криминального» травматизма // Охрана труда и социальное страхование. 2008. № 4. С.72-79.
21. Евланова О.А., Коишмиди Г.Ф., Шеек Е.А. Характеристика лиц, потерпевших от преступлений // Законность: состояние и тенденции в 2010-2014 гг. Деятельность прокуратуры по её обеспечению: научный доклад / под общ. ред. О.С. Капинус. – М., 2015. С.81-84.
22. Ившин В.Г., Идрисова С.Ф., Татьяна Л.Г. Виктимология: учебное пособие. М., 2011.
23. Ильин И.В. Понятие, характеристика и вопросы профилактики экономического мошенничества (теоретические аспекты): монография. М., 2008.
24. Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография. М., 2012.
25. Кабанов П.А. Виктимологическая оценка состояния современной российской преступности // Право и политика. 2015. №4. С.568-574.
26. Кабанов П.А. Виктимологическая характеристика коррупционной преступности в Республике Беларусь: анализ статистических показателей 2007-2012 гг. // Социодинамика. 2014. №2. С.10-21.
27. Кабанов П.А. Виктимологический мониторинг криминального травматизма в Республике Татарстан: на материалах статистики 2009–2013 гг. // Мониторинг правоприменения. 2014. №4. С.4-8.
28. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение детской криминальной смертности в России: анализ статистических показателей 2009–2015 гг. // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. №9. С.76-80.
29. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение криминального травматизма в современной России // Полицейская деятельность. 2015. №1. С.16-23.
30. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в Республике Татарстан: анализ статистических показателей 2009-2013 гг. // Полицейская и следственная деятельность. 2015. №1. С.108-126.
31. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2015. №1(36). С.48-53.
32. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение преступности в Республике Беларусь: статистический анализ показателей 2009-2013 гг. // Полицейская деятельность. 2014. №6. С.529-534.

33. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение преступности в Республике Татарстан: криминологический анализ последствий // Следователь. 2015. №6. С.14-19.
34. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение современной российской преступности: (статический анализ показателей 2009-2013 гг.) // Следователь. 2015. №2. С.52-56.
35. Кабанов П.А. Женская криминальная смертность в современной России: виктимологическое измерение статистических показателей 2009-2014 гг. // Юридические исследования. 2015. №10. С.13-23.
36. Кабанов П.А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009-2015 гг.) // Виктимология. 2016. №3. С.7-23.
37. Кабанов П.А., Садеев М.М. Жертвы коррупции в Республике Татарстан: анализ виктимологической статистики за 2008 год // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. №3. С.129-131.
38. Кабанов П.А., Садеев М.М. Криминальная политическая виктимология как частная межотраслевая криминологическая теория: понятие, содержание и место в системе криминологических знаний. Казань, 2007.
39. Квапис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. – М.: NOTA BENE, 1999.
40. Колчина А.А. Особенности криминального травматизма и пути его профилактики // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2006. № 6. С. 124-127.
41. Коробова Е.И. Понятие и значение виктимологической статистики // Совершенствование социально-экономической и научно-образовательной сферы как средство преодоления кризиса в России: материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2015. С.174-177.
42. Кузьмин Ю.Ф., Колчина А.А. Актуальные вопросы травматизма криминального характера // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2008. – № 1. – С.99-102.
43. Лебедев А.С. Криминальная смертность в России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3. С. 62-63.
44. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т.1. Общая часть. М.: Изд-во Юрайт, 2011.
45. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. №1.
46. Нифонтов В.А. Виктимологическая статистика в деятельности органов внутренних дел // Научные основы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел: сборник статей. Тюмень, 2013. С.47-48.
47. Нифонтов В.А. Роль виктимологической статистики в профилактике преступности // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции (28 февраля - 1 марта 2013 г.). Тюмень, 2013. С. 184-188.
48. Панкова Т.П., Ситковский А.Л. Виктимологическое направление в профилактике преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2007. №13. С.31-33.
49. Ривман Д.В. Жертвоприношение преступности // Криминология – XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. С.250-285.
50. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб, 2002.
51. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000.
52. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология: Монография. – Н. Новгород, 1998.
53. Солодовников С.А. Виктимологическая статистика в отношении «преступник-жертва» в системе криминологического анализа // Закон и право. 2004. №12. – С.22-24.
54. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. – М.: Изд-во «Экзамен», 2007. С.173-174.
55. Стешич Е.С. Криминальная смертность: истоки ошибок статистики // Юристъ - Правоведъ. 2014. № 1 (62). С. 66-71.
56. Таилова А.Г., Магомедов А.А. Значение статистики в виктимологической профилактике // The modern world: experience, problems and prospects materials of the II international research and practice conference. Scientific public organization “Professional science”. – 2016. – С.370-375.
57. Тихонова О.Н. Убийство – средство достижения социальной гармонии: жертвоприношение как условие существования социальной организации // Молодой ученый.

2012. № 4. С.342-344.

58. Челябинова Э.И. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних, потерпевших от жестокого обращения // Следователь. 2006. №5. С.53-55.

59. Шиханов В.Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

60. Шклярук М. Вместо статистики преступности – отчеты следователей и прокуроров о проделанной работе // Ведомости. 2014. 16 октября.

61. Шклярук М., Скугаревский Д., Дмитриева А., Скифский И., Бегтин И. Криминальная статистика. Механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. СПб: Норма, 2015.

62. Шклярук М.С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы: Препринт IRL-02/2014. – СПб., 2014.

КАБАНОВ Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России; профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП).
E-mail: kabanovp@mail.ru

Kabanov P.A.

VICTIMOLOGICAL MEASUREMENT OF CONSEQUENCES CONTEMPORARY RUSSIAN CRIME: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF OFFICIAL STATISTICS 2009-2016.

Based on official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2009-2016. A short victimological measurement of the consequences of Russian crime was conducted. The main trends of criminal victimism in Russia during the period under study, as well as the main trends of certain types of negative consequences - criminal mortality and criminal traumatism, including individual social groups with increased criminal victimism (women and minors) are established.

Keywords: *victim, victimology, criminal victimization, criminal mortality, child crime victimization, female crime victimization, victimological statistics.*

KABANOV Pavel A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the MOI of Russia.
E-mail: kabanovp@mail.ru

Бойко О. А. Панов С. Л.

ХИЩЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с присвоением потребителями коммунальных ресурсов в жилищно-коммунальной сфере, анализируются причины и условия присвоения гражданами потребляемых коммунальных ресурсов, предлагаются меры по противодействию указанному негативно-криминальному явлению.

Ключевые слова: Жилищно-коммунальное хозяйство, коммунальные ресурсы, способы хищения ресурсов, детерминанты присвоения коммунальных ресурсов, меры противодействия.

В условиях рыночной экономики природные ресурсы представляет собой товар, который можно не только продать или купить, но также украсть, растратить или присвоить. В настоящее время в условиях постоянного роста цен на коммунальные услуги вопрос экономии таких затрат является насущным для значительного числа граждан России. В связи с этим, немало граждан страны, которые хотят сэкономить на оплате потребляемых коммунальных ресурсов (все виды природных и энергетических ресурсов, доносимые поставщиками до потребителей независимо от типа жилья[8]) путем механического воздействия на счетчики воды, газа, тепла и электроэнергии.

Существует огромное множество способов отмотки или остановки счетчиков, – от банального просверливания отверстия в корпусе счетчика и торможения колесика при помощи иголки до применения сложных электронных устройств. Способы хищения потребляемых ресурсов зависят также как от типа энергоресурса, так и от группы потребителей. Однако большинство экспертов сходятся на том, что значительное число хищений коммунальных ресурсов базируется на несовершенстве приборов учета[4, с. 83].

Сегодня, технические параметры приборов учета потребляемых ресурсов нередко отстают от методов и способов

хищения. Так, в последнее время одним из «популярных» способов замедления (остановки) работы приборов учета коммунальных ресурсов – является метод использования возможностей неодимовых магнитов, представляющих собой уникальный сплав железа, бора и редкоземельного металла неодима и обладающих достаточно сильной индукцией для того, чтобы эффективно воздействовать на другие механизмы на расстоянии[9]. Принцип действия неодимовых магнитов заключается в остановке вращения некоторых моделей счетчиков при подаче электроэнергии, воды и газа. Снятие или устранение магнита восстанавливает полную работоспособность систем. Хищения коммунальных ресурсов (в том числе с помощью неодимовых магнитов) имеют достаточно четкую тенденцию к росту, особенно в регионах с низким уровнем жизни граждан.

Недобросовестные потребители коммунальных услуг надеются на то, что об их манипуляциях с приборами учета не станет известно в ресурсно-снабжающих компаниях, а они смогут полноценно потреблять ресурсы в неограниченном количестве без осуществления полноценных выплат.

К основным причинам присвоения потребителями коммунальных ресурсов (полностью или частично) следует отнести:

1. До сих пор воровство (в том числе коммунальных ресурсов), хотя бы «по мелочам», воспринимается отдельными гражданами как само собой разумеющееся – способ «борьбы за существование» [6, с. 11]. Необоснованное в ряде случаев значительное повышение цен на коммунальные ресурсы «подталкивает» часть потребителей на подтасовку показаний приборов учета, воспринимаясь как способ восстановления справедливости.

2. Существование в данной сфере жизнедеятельности так называемого «замкнутого круга»: наличие неплательщиков и убытков, связанных с хищениями коммунальных ресурсов вынуждают поставляющие компании постоянно повышать тарифы (например, увеличение платы за общедомовое потребление электроэнергии), которые вновь подталкивают отдельных несознательных граждан на различные махинации с приборами учета.

3. Рост тарифов на коммунальные ресурсы с одновременным увеличением количества «мощной» бытовой техники, используемой потребителями (в первую очередь владельцами коттеджей, дач) вызывает «желание» у последних пользоваться коммунальными ресурсами или в «тайне» от поставщиков (например, «наброс» проводов нагрузки на линию электропередачи помимо счетчика), или снижать официальные показатели потребляемых ресурсов путем воздействия на приборы учета.

4. Определенные категории граждан (неработающие, многодетные семьи и др.) используют различные способы понижения фактических показателей приборов учета не в силу того, что они против повышения тарифов на коммунальные ресурсы, а потому, что вынуждены большую часть доходов расходовать на продукты питания, лекарства, которые в настоящее время значительно подорожали в связи с экономической ситуацией в стране. Если в среднем по стране доля платежей за коммунальные услуги в семейном бюджете – 12-15% (что уже выше среднемирового), то для неимущих слоев достигает 50% и более[1].

5. Большинство граждан страны незнакомы с нормативно-правовыми основами деятельности на рынках естественных монополий, принципами формирования тарифов на коммунальные услуги,

поэтому информация о структуре необходимых платежей, даже в случае ее обнаружения, сложна для их понимания и дает основания по-разному ее толковать, нередко не в пользу поставщиков ресурсов.

6. В настоящее время нередки случаи, когда в квартирах, не обеспеченных проборами учета прописан один гражданин (исходя из этого начисляется оплата за потребление ряда коммунальных ресурсов), а постоянно проживает несколько человек, следовательно, и расходует большее количество ресурсов, чем фактически оплачивается.

7. Установленные Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии России требования (например, ГОСТ-Р 51649-2014 «Тепловые счетчики для водяных систем теплоснабжения. Общие технические условия»[11]) в отношении приборов учета, фактически не выполняются. В частности, приборы не проходят испытания на электромагнитную совместимость. Ни один из испытательных центров не проводит предусмотренные ГОСТом испытания на предмет проверки защищенности от несанкционированного доступа в память приборов. Доказать в последствие, что потребитель сознательно искажает показания приборов, очень сложно.

8. Отсутствие у поставляющих коммунальные услуги компаний из-за возможных санкций со стороны федеральной антимонопольной службы страны права на запрет использования потребителями типов счетчиков, которые «легко» поддаются внешнему воздействию. Незащищенность приборов учета представляет серьезную проблему для ресурсно-снабжающих компаний, которые практически в одиночку противодействуют незаконному потреблению коммунальных ресурсов.

9. Сотрудники ресурсно-снабжающих компаний, оформляющие платежные документы так загружены «бумажной» работой, что не в состоянии заниматься регулярным анализом ежемесячных показателей использования коммунальных ресурсов физическими лицами с целью обнаружения фактов резкого снижения их потребления в тот или иной период времени.

10. В Интернете (рекламные брошюры в почтовых ящиках) помещено значи-

тельное количество сайтов, которые предлагают с доставкой на дом широкий спектр (по размерам, мощности и цене) «умных» и «ресурсосберегающих» приборов учета (с изображением устройств для наглядности), влияющих на показание тех или иных видов счетчиков. Такие «умные» приборы учета практически не отличаются от обычных, имея схожую с заводскую пломбу, которую контролеры сетевых организаций в соответствии с действующим законодательством не имеют права вскрывать[3].

11. Ресурсно-снабжающие компании недостаточно эффективно выявляют факты присвоения коммунальных ресурсов. Это в основном связано с двумя причинами[16, с. 165]:

а) поставщики ресурсов компании знают, что они все равно эти деньги получают с владельцев жилья путем распределения потребленных ресурсов (расходов) в качестве общедомовых на всех собственников;

б) сложность выявления недобросовестных потребителей заключается в том, что в случае отказа квартиросъемщиков впустить контролеров для проверки показаний приборов учета, фактически лишает последних возможности выявить факты хищений коммунальных ресурсов.

12. Неизжитые до сих пор случаи получения сетевыми контролерами от недобросовестных потребителей взятки за сокрытие выявленных фактов хищения потребляемых коммунальных ресурсов.

13. К сожалению, в настоящее время сфера ЖКХ «не доросла» до эффективных рыночных отношений, связанных с развитием действительной конкуренции между предприятиями в указанном виде деятельности и предоставлением потребителям реального выбора определенного набора услуг по приемлемым ценам [12, с. 74].

14. Недостаточная правовая пропаганда со стороны представителей ресурсно-снабжающих компаний среди потребителей по вопросам последствий и ответственности за хищения коммунальных ресурсов.

Условия, способствующие хищению потребляемых услуг:

– приборы учета потребляемых ресурсов находятся обычно в доступном месте (как правило, в помещении владельца),

следовательно, нарушать их работу можно, не привлекая внимания, как со стороны соседей, так и контролирующих органов;

– наличие воздушных линий электропередачи напряжением до 1000 вольт и ввод в здания электропроводов без изоляции, имеющих значительное количество ответвлений и спусков, – создает условия для подключения нагрузки (как правило, бытовой) помимо учета;

– правовая безграмотность и пассивность собственников помещений в многоквартирных домах.

К мерам противодействия присвоению коммунальных ресурсов потребителями следует отнести[2, с. 26, 7, 10 с. 137]:

1. Полномасштабное использование правовых административно-уголовных мер для неотвратимого воздействия на расхитителей коммунальных ресурсов.

Присвоения потребителями коммунальных ресурсов квалифицируются как административные правонарушения (ст. 7.19 КоАП РФ «Самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти и газа», ст. 7.20. КоАП РФ «Самовольное подключение к централизованным системам водоснабжения и водоотведения») и влекут за собой компенсацию в гражданском порядке реально причиненного ущерба и наложение административного штрафа.

В случае причинения вреда в крупном размере на сумму свыше 250 тыс. рублей в результате безучетного использования коммунальных услуг наступает уголовная ответственность по ч. 1 ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием).

За действия, связанные с рекламой на сайтах Интернета приспособлений (например, неодимовых магнитов), предназначенных для «отмотки» показаний счетчиков предусмотрена административная ответственность по ст. 14.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства о рекламе».

2. Реализация на практике положений, закрепленных в Федеральном законе № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства», направленных на повышение уровня информированности граждан по вопросам предоставления услуг жилищно-коммунального хозяйства

и эффективности деятельности профильных органов власти, создания условий повышения качества, полноты и эффективности оказания коммунальных услуг населению и организациям[15].

3. Осуществление во всех регионах страны необходимых мер по внедрению автоматизированной системы коммерческого учета энергетических ресурсов (АСКУЭ) в качестве расчетной системы учета, которая позволяет реализовать следующие возможности: организовать точный, достоверный и одновременный учет у потребителей всех поставляемых коммунальных ресурсов; своевременно выявить попытки вмешательства в работу приборов учета с целью искажения данных о потреблении ресурсов или их хищения; дистанционно ограничить или прекратить подачу электрической энергии недобросовестным потребителям и др.

4. Одна из мер эффективной борьбы с «подкручиванием» счетчиков – установка в квартирах потребителей «умных» электронных приборов учета, постепенно переходящих на смену индукционным. Например, установка потребителям коммунальных ресурсов счетчиков модели «Пульсар», оснащенных электронным блоком и передающим сигнал тревоги по собственному радиоканалу. Считывать с них информацию можно при помощи специального прибора на расстоянии и без уведомления владельцев, занимающихся хищениями коммунальных ресурсов.

5. С учетом выявления ресурсно-снабжающими компаниями значительного числа хищений коммунальных ресурсов с помощью неодимовых магнитов, повсеместное внедрение в систему контроля за работой приборов учета пломб-индикаторов магнитного поля «АНТИ МАГНИТ». Оснащение приборов учета пломбами «АНТИ МАГНИТ» позволяет не только выявить, но и доказать факт хищения ресурсов с применением магнита.

6. С целью эффективного противодействия незаконному вмешательству в работу приборов учета коммунальных ресурсов – установка при их приемке в эксплуатацию специальной антимагнитной наклейки, представляющей собой пластиковую двухслойную основу с встроенной специальной капсулой и имеющей индивидуальный порядковый номер.

При попытке сорвать пломбу верхний слой отслаивается и проявляется надпись вскрыто, восстановить которую путем возврата на место не возможно. При воздействии магнитного поля в капсуле суспензии разрывается и заполняет собой пространство счетчика.

7. Использование повсеместно положительного опыта ряда регионов страны, где в системе «Энергосбыта» сформированы и действуют мобильные рейдовые бригады, укомплектованные современным оборудованием и транспортом, что позволяет с большой точностью определить место несанкционированного отбора энергии и оперативно прибыть на место правонарушения[5].

8. Постоянный анализ контролерами ресурсно-снабжающих компаний способов хищения коммунальных ресурсов потребителями, что позволит повысить эффективность работы по данному направлению.

9. Подключение к работе по противодействию хищениям коммунальных ресурсов в многоквартирных домах добросовестных плательщиков, которые вынуждены платить из-за действий расхитителей значительные денежные средства в счет общедомовых расходов. Кроме того, возможно использование ресурсно-снабжающими компаниями в работе с населением такого механизма, как выплата материального вознаграждения за информацию о хищениях коммунальных ресурсов. Также внедрение системы поощрений со стороны товариществ собственников жилья заключающейся в том, что за своевременную оплату потребляемых ресурсов к собственнику будет применяться система бонусов, включающая в себя льготную помощь в виде оказания коммунально-бытовых услуг.

10. Усиление роли региональных «Обществ защиты прав потребителей» по вопросам защиты интересов владельцев жилья в спорах с ресурсно-снабжающими компаниями, неоправданно завышающих тарифы на коммунальные услуги[14, с. 37].

11. Создание в поставляющих компаниях бесплатного телефонов доверия, на которые круглосуточно граждане могли бы позвонить и сообщить об ставших им известных фактах хищения коммунальных ресурсов.

12. Пропаганда среди потребителей

законных способов уменьшения платы за коммунальные ресурсы: например, использование энергосберегающих приборов и ламп, установка электронных счётчиков с тарифами для ночного и дневного потребления и т.д. [13, с. 54]

Предложенные меры по противодей-

ствию присвоению коммунальных ресурсов не являются исчерпывающими, но их реализация положительным образом скажется на улучшении ситуации в данной сфере жизнедеятельности граждан и повлияет на снижение объемов хищений ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Иванишина Т. Пять главных причин, почему люди не платят за квартиру // Среднеуральская волна. 2014. № 62. 8 апр.

2. Канаев П. «Закручивание гаек» против подкручивания счетчиков // Энергетика и промышленность России. 2013. № 8. С. 26-27.

3. Красновская Т. Антимангнитные пломбы позволят уменьшить ОДН // Великолукская правда. 2014. 20 март.

4. Кривоногов С.В. Анализ хищений электроэнергии в коммунально-бытовом секторе // Вестник НГИЭИ. 2014. № 10. С. 82-88.

5. Кузьмичев С. Щит от хищений // Богородская газета. 2013. 5 апр.

6. Логинов Д. За свет не платим! // ЭЖ-Юрист. 2012. № 3. С. 11-12.

7. Мариничева О., Соловова Т. Экзамен для счетчика // Электронный журнал «Коммунальный Комплекс России». 2015. № 1.

8. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 года № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»): в ред. постановления Правительства РФ от 27 февраля 2017 года № 232 // СЗ. РФ. 2011. № 22, ст. 3168

9. Стаценко Д. Жулики наживаются на махинациях с магнитами для электросчетчиков // Петербургский дневник. 2013. 28 дек.

10. Степанов В.В. Актуальные вопросы противодействия преступлениям в сфере ЖКХ (на примере Пермского края) // Криминологический журнал. 2014. № 3. С. 135-139.

11. Теплосчетчики для водяных систем теплоснабжения. Общие технические условия. ГОСТ Р 51649-2014. М. Стандартинформ, 2015.

12. Тюрина Д. Острый вопрос – ЖКХ // Государственная служба. 2016. № 2. С. 74-75.

13. Учет потребления энергоресурсов. Права, обязанности и ответственность поставщиков и потребителей: Круглый стол 25 февраля 2016 г., Госдума, Москва // Энергетика и право. 2016. № 1. С. 53-61

14. Фатыхов М.Х. Защита интересов граждан в сфере тарифообразования // Законность. 2015. № 5. С. 37-39.

15. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»: в ред. Федерального закона от 28 декабря 2016 года № 469-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I), ст. 4210.

16. Якименко О.Ю. Задолженность за коммунальные ресурсы как предмет ведения органов местного самоуправления // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 165-167.

БОЙКО Ольга Альбертовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России.

E-mail: mario011@mail.ru

ПАНОВ Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, ветеран МВД России (Омск).

E-mail: spanov1960@mail.ru

Boyko O. A. Panov S. L.

PURIFICATION OF MUNICIPAL RESOURCES: DETERMINANTS AND MEASURES OF CO-OPERATION

The article deals with the problem related to the appropriation by consumers of communal resources in the housing and communal sector, analyzes the reasons and conditions for appropriation of communal resources by citizens, suggests measures to counteract this negative criminal phenomenon.

Keywords: *Housing and communal services, utilities, ways to steal resources, the determinants of appropriation of communal resources, countermeasures.*

BOYKO Olga Albertovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Criminology, Psychology and Pedagogy of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: mario011@mail.ru

PANOV Sergey, Candidate of Law, Veteran of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk).

E-mail: spanov1960@mail.ru

Кузьмина Н. В.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОТИВОПРАВНОЙ И КОНФЛИКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

В настоящей работе изучается виктимологический аспект противоправной и конфликтной деятельности организованных этнических групп, выявляется взаимосвязь между деятельностью преступных этнических групп и степенью правовой защищенности предпринимателей.

Ключевые слова: этническое, группа, жертва, преступность, экономические показатели, нелегальное «предпринимательство», регулирование, защита.

Противоправная и конфликтная деятельность этнических групп в современной России носит преимущественно экономический характер. Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что сегодня в значительной степени основой деятельности преступных сообществ является экономика. За период с января по ноябрь 2016 было выявлено 106 000 преступлений экономической направленности. Их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений за указанный период составил 31,5%. Организованными группами или преступными сообществами за период с января по ноябрь 2016 года было совершено 11500 тяжких и особо тяжких преступлений [1].

Угрожающий для России размах приобрели международный терроризм, захват заложников, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, легализация доходов, полученных преступным путем, торговля оружием и другие преступления. В большинстве своем они совершаются организованными преступными группами и сообществами, в том числе имеющими однородный этнический состав.

Преступная деятельность этнических групп экономической направленности является одним из видов этнической юридической антикультуры. Говоря об этноюридической антикультуре, следует, прежде всего, обращать внимание на ту совокупность антиправовых ценностей, которая сформировалась в рамках внеправовых обычаев отдельных этносов, этнических групп или представителя конкретного этноса, этнического самосознания, этнической идеологии, конфликтной и противоправной этнической деятельности. Следовательно, под этноюридической антикультурой мы будем понимать совокупность этнических антиправовых ценностей.

По своей природе виды юридической антикультуры подразделяются на правонарушения (противоправные деятельности) и юридические казусы, юридические конфликты, ошибки, пробелы и коллизии в праве и правосознании, злоупотребления субъективными правами и субъективными юридическими обязанностями, юридический нигилизм и фетишизм, догматизм и цинизм, инфантилизм и нигилизм, романтизм и др.

В нашем исследовании мы настаиваем на необходимости выделять этническую преступность и деликты как тип этнических правонарушений.

Это можно сделать на основании того, что они имеют признак, отличающий их от других типов правонарушений. Таким признаком можно считать мотив национальной или религиозной ненависти или вражды, имеющий особую общественную опасность, либо принадлежность к определенной этнической группе.

Деятельность этнических организованных преступных групп направлена на вовлечение малого и среднего бизнеса, а также отдельного предпринимателя в теневую экономику. В связи с этим особое внимание следует уделять разработке криминолого-виктимологическому направлению этнической девиантологии. Это связано с системным изучением характера преступной деятельности этнических групп и коррупции в регионах и их причин. Развитие данного направления затрудняется тем фактом, что в уголовной статистике отсутствуют разделы по этнической преступности и ее отдельным видам. Мотив национальной и религиозной ненависти и вражды, а также совершение преступления группой лиц одной национальности пока не является тем признаком, по которому можно было бы выделять этническую преступность в отдельный раздел [2, с. 182], соответственно не просчитываются ее уровень, структура и динамика. Что касается собственно виктимологического аспекта проблемы (*victima* – жертва преступления), то важность его обуславливается изучением виктимно-криминогенной среды функционирования отдельного предпринимателя, малого и среднего бизнеса (коррупция, организованная преступность, экономическая преступность, общеуголовная преступность и другие формы), необходимостью разработки механизмов противодействия вовлечению законного предпринимательства в преступность.

Основной целью криминолого-виктимологического направления этнической девиантологии является выявление корреляционных и функциональных связей между деятельностью преступных этнических групп и степенью правовой защищенности предпринимателей; разработка рекомендации по технологическому

обеспечению безопасного функционирования малого и среднего бизнеса в регионах. Достижение данной цели возможно через выработку и внедрение региональных механизмов формирования государственно-правовой политики в борьбе с организацией этнических преступных сообществ, осуществляющих свою деятельность в сфере экономики.

В данном срезе проблемы необходимо решать следующие задачи:

- изучение системы детерминант преступной экономической деятельности этнических групп, в том числе террористического и экстремистского характера в современной России и отдельных регионах;

- комплексный анализ федерального и регионального законодательства, ведомственных актов по противодействию организованной преступности, экстремизму и терроризму;

- выявление дефектов техники законодательства в изучаемой сфере и разработка методики их устранения;

- анализ имеющихся в правоприменительной практике организационных форм противодействия терроризму и экстремизму, разработка на основе полученных результатов новых форм противодействия терроризму и экстремизму.

- изучение психологического аспекта организованной этнической преступности и ее деятельности по ослаблению экономики страны.

Следует отметить, что высокими темпами растет активность преступных организаций, сформировавшихся по этническому признаку. Их антисоциальная деятельность и устойчивость значительно выше, чем у преступных объединений с разнородным этническим составом. Такие преступные группы формируются в основном в тех регионах, где имеются разветвленная коммерческая инфраструктура, приносящая высокие прибыли, а также коррумпированные связи в среде органов государственной власти и управления из числа земляков и лиц сходной национальности.

По мнению Л.С. Арутюнова, на 2004 г. в России существовало более двух тысяч преступных группировок, созданных по национальному «неславянскому» признаку, т.е. в их состав до 95% входили лица одной национальности (неславянской). Преступления, совершенные чле-

нами этих группировок, составляли в 2004 г. около 64 % от общего числа совершенных преступлений. Общая численность этих группировок составляет, по приблизительным оценкам, около 7500 человек [3].

Криминологи указывают на устойчивую деятельность в современной России азербайджанских, чеченских, грузинских, таджикских, китайских группировок. Эти группировки, как правило, стремятся к «специализации» своей криминальной деятельности. Так, например, «азербайджанские» группировки стремятся расширить свой контроль над наркобизнесом, азартными играми и торговлей на рынках; «армянские» – над торговлей краденными автомобилями, группами мошенников разного рода. «Грузинские» преступные группировки являются лидерами по числу краж автотранспортных средств, довольно высока их активность при организации финансовых афер и в осуществлении незаконной торговли наркотиками и оружием [4, с. 25]. «Чеченские» преступные группировки стремятся контролировать топливно-энергетический и автомобильный бизнес, финансово-кредитные учреждения и предприятия, добывающие и торгующие редкоземельными металлами [5, с. 73].

В последнее время все чаще начинают появляться преступные группировки из числа участников вооруженных формирований, которые по различным причинам покидают зоны межэтнических конфликтов в бывших республиках Союза и перемещаются в Россию. Такие группы хорошо вооружены, дисциплинированы, имеют опыт ведения боевых действий и, как правило, находятся на нелегальном положении. Например, в Республике Дагестан в 2005 г. сотрудниками правоохранительных органов УБОП разрабатывались 3 преступных сообщества: 2 – экстремистской и террористической направленности и 1 – на стыке общеуголовной и экономической направленности [6, с. 33].

Преступная экономическая деятельность этнических групп и организаций носит транснациональный характер, что ослабляет экономические показатели России, препятствует развитию законной предпринимательской деятельности. По некоторым данным ежегодно транснациональные преступные сообщества незаконно вывозят более 1 млн нелегальных

мигрантов, доходы от этой преступной деятельности превышают 3,5 млрд долларов США. Общий стоимостной объем операций в наркобизнесе в год в конце 90-х годов превысил 500 млрд долларов США. Около 90 млрд долларов США, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, отмывается и используется в качестве легальных инвестиций. А всего, по оценкам Международного валютного фонда, в мире ежегодно отмывается около 600 млрд долларов США, полученных незаконным путем [7].

Общественная опасность легализации преступно приобретенных денежных средств и другого имущества состоит в возникновении неконтролируемого «серого», или «теневого» сектора экономики, приносящего ущерб финансовым интересам государства, нарушающего правила конкуренции на рынке [8, с. 22].

Накопление капитала преступными формированиями, в том числе преступными этническими группами, внедрение его в легальный гражданский оборот, а также использование за пределами страны позволяет получать значительные преимущества в конкурентной борьбе, создает неблагоприятный климат для любых инвестиций и ведет к подрыву национальной экономики. Привлечение средств из незаконных финансовых источников вызывает, в свою очередь, дестабилизацию кредитных организаций, угрожает самостоятельности банковской системы в целом.

Организованные этнические преступные группы в целях расширения своего влияния над малым и средним бизнесом, индивидуальными предпринимателями внедряют так называемый мафия-метод, направленный на ослабление государственного, социального и иного контроля. К основным элементам этого метода следует отнести:

- 1) профессиональное использование основных государственных и социально-экономических институтов, действующих в стране, в целях создания внешней законности преступной деятельности (официальное прикрытие в виде совместных предприятий, фондов, фирм и т.п.);

- 2) информационную базу, позволяющую иметь сведения о выгодных и безопасных направлениях преступной деятельности, применение специальных методов разведки и контрразведки;

3) создание «ниш для отхода» в системе государственных, в том числе правоохранительных органах;

4) определенную иерархическую структуру, отделяющую руководство от непосредственных исполнителей;

5) финансовую базу в виде общих денежных фондов, недвижимости и т.п., для решения «общих» задач, позволяющую, кроме того, обеспечивать высокую техническую оснащенность, и другие элементы.

В целях обеспечения правовой защищенности отдельных предпринимателей, малого и среднего бизнеса в целом и безопасности их деятельности требуется создание единой системы противодействия организованной этнической преступности. Считаем, что эта система должна формироваться на основе развития целого ряда направлений. Объем статьи не позволяет нам остановиться на рассмотрении данных направлений.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Состояние преступности январь-ноябрь 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://мвд.рф/reports/item/9116063/>. (Дата обращения 10.01.2017)

2. Кузьмина, Н.В. Система и организационно-правовые механизмы противодействия организованной этнической преступности и кровной мести / Н.В. Кузьмина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20 (91). – Выпуск 15. – С.182.

3. Арутюнов, Л. С. О некоторых причинах возникновения и развития этнической преступности / Л.С. Арутюнов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://web.archive.org/web/20071012011102/http://kgti.org/dxct8bsifq/uploads/Arutyunov.pdf>.

4. Ткач, Е.В. Нелегальная миграция и этническая преступность //Труды академии управления МВД России / Е.В. Ткач. 2008. № 8.

5. Полицейское сотрудничество стран Центральной и Восточной Европы / Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). – М., 2001. – С.73.

6. Рашидханов, Р.К. Проблемы борьбы с преступными сообществами в Республике Дагестан / Р.К. Рашидханов // Российский следователь. 2005. № 4. С. 33.

7. Гуров, А. XXI век против глобализации преступности / А. Гуров // Московские новости. – 2000. – 27 ноября.

8. Верин, В.П. О некоторых вопросах судебной практики по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / В.П. Верин // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 2. С. 22.

КУЗЬМИНА Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет.
E-mail: kuzmina.nat@yandex.ru

Kuzmina N. V.

VIKTIMOLOGICAL ASPECT OF THE OPPOSITE AND CONFLICT ACTIVITY OF ORGANIZED ETHNIC GROUPS

Annotation. In the present work, the victimological aspect of unlawful and conflicting activities of organized ethnic groups is studied, the relationship between the activity of criminal ethnic groups and the degree of legal protection of entrepreneurs is revealed.

Keywords: *ethnic, group, victim, crime, economic indicators, illegal «entrepreneurship», regulation, protection.*

KUZMINA Natalia Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor, Kostroma State University.
E-mail: kuzmina.nat@yandex.ru

Кашкаров А. А.

ВИКТИМНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

В статье рассмотрена двойственная виктимная природа взяточничества. Отстаивается позиция, согласно которой жертвой следует признавать не только взяточкодателя, но и при определённых условиях и чиновника – взяточполучателя, а также указывается, что взяточничество может быть совершено вообще без жертв, при условии обоюдной заинтересованности обеих сторон сделки.

Ключевые слова: должностное преступление, виктимность, механизм, взяточничество, жертва, взяточкодатель, взяточполучатель.

Проблема признания лица жертвой преступления является одной из актуальных для теории уголовного права [14, с. 58-61], криминологии [7, с. 128] и, естественно виктимологии [3, с. 51]. По мнению В.Е. Квашиса, «виктимность и преступность – категории, сопутствующие и неразрывно связанные друг с другом» [10, с. 23].

Проблема виктимности должностной (коррупционной) преступности в последнее время стала приобретать популярность в научных кругах. Так один из современных авторов указывает, что «виктимологическими факторами криминального коррупционного поведения следует признавать явления, процессы и состояния, находящиеся в причинной связи с совершённым впоследствии коррупционным преступлением либо способствующие продуцированию криминального коррупционного поведения» [4, с. 25]. Другие исследователи отмечают, что должностная преступность, в частности взяточничество, обладает высокой степенью виктимогенности в отношении не только физических лиц, но и определённых социальных групп, юридических лиц [12, с. 174; 8, с. 22; 9, с. 130; 1, с. 209].

Осуществляя анализ виктимного по-

ведения жертвы преступления, многие исследователи отмечают, что причиной совершения преступлений в отношении конкретного лица выступают факторы, связанные с виктимным поведением самого потерпевшего. Возникает вопрос, кого признавать жертвой взяточничества – лицо которое давало взятку, либо лицо, которое её получило?

В ответе на данный вопрос и кроется виктимологическая амбивалентность такого должностного преступления, как взяточничество.

Однако отметим, что мы полагаем, что в определённых ситуациях взяточничество вообще может признаваться преступлением в котором нет жертвы. Объясним данный тезис тем, что взяточничество – это разновидность сделки, в которой товаром выступают функции должностного лица органа публичной власти. Как отмечает К.В. Вишневецкий, «при совершении коррупционного преступления можно говорить о так называемой двусторонней сделке, во время которой «покупатель» получает возможность использовать государственную структуру в своих целях, а чиновник «продаёт» свои служебные полномочия, услуги гражданам или представителям частного бизне-

са» [2, с. 98]. Таким образом оба субъекта преступления выступают заинтересованными в совершении своим криминальным контрагентом должностного преступления, предусмотренного разными нормами закона об уголовной ответственности. Обоюдная заинтересованность и обуславливает отсутствие в данном преступлении жертвы.

Теперь следует рассмотреть классический пример при вымогательстве взятки. При взяточничестве взаимоотношения жертвы вымогательства взятки и взятоквымогателя-взятополучателя и/или посредника во взяточничестве могут быть идентичными со взаимоотношениями, которые формируются и существуют при мошенничестве, где виновное лицо воздействует на поведение жертвы различными способами, формирует желания и стремления взятокодателя передать предмет преступления, жертва ставится в такую ситуацию, при которой подкуп является единственной возможностью достичь желаемого результата, т.е. проявляется закономерность её поведения [12, с. 175]. Такого рода виктимную модель взяточничества мы называем классической, так как в сознании общественности бытует мнение, что взяточник – это исключительно должностное лицо органа публичной власти.

Неклассический механизм формирования жертвы взяточничества, возникает тогда, когда лицо, которое даёт взятку склоняет должностное лицо органа публичной власти к получению взятки, признавать жертвой должностного преступления категорически нельзя, так как это лицо является субъектом должностного преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ. При склонении должностного лица органа публичной власти к получению взятки, именно должностное лицо следует признавать жертвой должностного преступления, так как наличие у него определённых властных полномочий и определяет его виктимную привлекательность со стороны взятокодателя. О возможной виктимности должностного лица органа публичной власти указывают современные исследования. Г.Н. Горшенков указывает, что должность государственного служащего представляет угрозу для лица, её занимающего, ибо это лицо, «обладая такой должностью, становится потенциальной жертвой крими-

нального подкупа»[5, с. 144 – 151]. Правильность такого рода вывода подтверждается результатами исследований А.Л. Репецкой [11, с. 14-15] и Э.Л. Сидоренко, которая отмечает, «что в действительности в 30 % случаев взятокодатель формирует модель поведения взятополучателя» [13, с.149].

Высокий уровень виктимной латентности должностной преступности приводит не просто к рецидиву, а к мультипликативному эффекту, который выражается в новом витке вовлечения новых жертв в сферу должностной преступности. Бесспорным является тот факт, что виктимологическая ситуация (её возникновение и развитие) во многом определяется поведением субъекта – будущей жертвы [6, с. 254], однако, как показывает следственно-судебная практика, должностные лица органов публичной власти создают криминогенные условия, различного рода препоны и затруднения, которые вынуждают потерпевших действовать определённым образом. Потенциальные жертвы должностной преступности признают (осознают) безысходность собственного положения и с целью реализации своих прав, свобод, а также как законных, так и незаконных интересов начинают втягиваться в преступную деятельность. Продолжая высказанную мысль, отметим, что латентность должностных преступлений даёт возможность для дальнейшей виктимизации населения. Жертва должностного преступления имеет возможность поделиться с иными заинтересованными лицами информацией о том, что вопрос решён положительно и есть возможность использовать этот источник далее. Условно такого рода виктимизацию можно назвать «коррупционное инфигирование», когда жертва должностного преступления передаёт свой негативный опыт иному лицу, выступая при этом физическим или интеллектуальным пособником должностного преступления.

Учитывая виктимную привлекательность общественных отношений в сфере публичной власти и виктимный механизм должностной преступности, мы полагаем, что жертвой должностного преступления может выступать должностное лицо органа публичной власти, конкретное физическое либо юридическое лицо, которое может как осознавать факт, что оно является жертвой должностного пре-

ступления, либо не осознавать статуса жертвы должностного преступления, являться при этом латентной жертвой должностного преступления. Также жертвой должностной преступности ор-

ганов публичной власти следует признавать общество и государство.

Приведённые примеры свидетельствуют о двойственной виктимной природе взяточничества.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Виктимология: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т.В. Вакарчук; под ред. С.Я. Лебедева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 263 с.

2. Вишневецкий К.В. Виктимологический механизм коррупции // Теория и практика общественного развития, 2014. – № 14. – С. 98–99.

3. Вишневецкий К.В. Социальный аспект в криминальной виктимологии. Мир юридической науки. – № 9, 2015. – С. 47–53.

4. Гарипов И.М. Виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан // Виктимология 4(10) / 2016, с. 23–35

5. Горшенков Г.Н. Виктимологическая составляющая в детерминации коррупционного поведения // Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Баку, 2015. – С. 144–151.

6. Иванова А.А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 253–260.

7. Игнатов А.Н. Криминологический анализ социально-демографических характеристик жертв насильственных преступлений. Общество и право. 2015, № 3 (53). – С. 128–132.

8. Кабанов П.А., Гарипов И.М. Виктимологическая характеристика криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан за период 2010–2011 гг. // Следователь. – № 1. – 2013. – С. 19–23.

9. Кабанов П.А., Садеев М.М. Жертвы коррупции в Республике Татарстан: анализ виктимологической статистики за 2008 год // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 3. – С. 129–131.

10. Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. – М.: Издательский дом NOTABENE, 1999. – 280 с.

11. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1994. – 151 с.

12. Савенко И.А. Виктимологический аспект коррупционных преступлений // Общество и право. – 2015. – № 4 (54). – С. 173–175,

13. Сидоренко Э.Л. Коррупционная преступность в контексте комплексного криминологического анализа // Библиотека уголовного права и криминологии № 1 (19) 2017 с. 144 – 150.

14. Юшина Ю.В. О необходимости уголовно-правового обеспечения безопасности заявителя о совершенном либо готовящемся преступлении // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 2 (28). – С. 58–61.

КАШКАРОВ Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.
E-mail: kashakrov79@ya.ru

Kashkarov A. A.

VICTUAL AMBIVALENCE, BY THE EXAMPLE OF BRIBERY

The article considers the dual victim nature of bribery. The position that the victim should be recognized not only as a bribe-taker, but also under certain conditions and an official - a bribe-taker, is also upheld, and it is also stated that bribery can be committed in general without victims, provided that both sides of the transaction are of mutual interest.

Keywords: *official crime, victimization, mechanism, bribery, victim, bribe-taker, bribe-taker.*

KASHKAROV Aleksey Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Chair of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: kashakrov79@ya.ru

Ильюк Е. В.

АРХЕТИП КРИМИНАЛЬНОГО И ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Коллективное бессознательное проявляется в архетипах – моделях поведения. Архетипы инцеста, суицида, детоубийства самовоспроизводятся, так как включены в негативный криминальный опыт человечества. Из века в век повторяются криминальные схемы поведения. Родственные браки между братьями и сестрами в Древнем Египте, распространенность «снохачества» при ранних браках в царской России, продажа крепостных (рабство), которые рассматривались как «норма» поведения. В основе виктимного поведения – архетип поведения раба.

Ключевые слова: архетип, коллективное бессознательное, инцест, «стокгольмский синдром», виктимность, маска нормальности, латентность.

Понятие архетипа ввел в психологическую теорию Карл Юнг. Личность, по Юнгу, состоит из трех взаимодействующих структур: сознания, личного бессознательного и коллективного бессознательного. Личное бессознательное связано с опытом жизни конкретного человека. Коллективное бессознательное состоит из архетипов. В психологии и в литературе под архетипом понимают часто повторяющийся образ (модель поведения), имеющий древний характер. Само слово «архетип» переводится с древнегреческого как «древний образ».

Каннибализм, инцест, убийства детей, бесчисленные тоталитарные деспотии и другие криминальные явления современного мира говорят о том, что коллективный, общечеловеческий негативный опыт имеет тенденцию к повторению. Архетипы передаются в процессе всей социализации личности, усвоения ею части мирового человеческого опыта. Архетипы как образы являются обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений, усредняя миллионы индивидуальных опытов [1]. Архетипы – это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы,

возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок, сюжетов художественных произведений. Универсальные архетипы представляют собой обобщенные биологические, психологические, социальные или профессиональные роли. Выделяются архетипы, связанные с мифическими и сказочными образами, а также неопределенное множество архетипов, выражающих ситуации [4].

Архетипы остались неизменными с древнейших времен, в основном меняя свои формы, но не сущность [1]. Архетип устойчив во времени. Архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же опытов.

Архетип инцеста.

В Древнем Египте и в индейских цивилизациях Доколумбовой Америки инцест грехом не считался. Инцест практиковался в традициях бракосочетания фараонов и инков (практически все они женились на своих сестрах). В Египте престол передавался по женской линии, то

есть сыну фараона нужно было жениться на своей сестре, чтобы потом стать правителем царства. Царская чета считалась воплощением богов. Династические браки освящались с позиций престолонаследия, удержания власти в кругу одной семьи, сохранения «чистоты крови» воплощений египетских богов и недопустимости родственных связей с нецарствующими семьями. В Древнем Египте родственные браки были обязательны: свою божественную кровь фараоны не имели права разбавлять кровью других людей. Родные братья женились на родных сестрах [12].

В античных языческих верованиях инцест был нормой жизни богов. Вся древняя мифология полна инцестуозных и промискуитетных сюжетов. Греховность инцеста появляется только в Библии. Согласно иудейской и христианской традиции всё человечество получило этот запрет после Всемирного потопа.

Инцест был распространен у северных народов, занимающихся скотоводством, семьи которых проживают и проживали тысячами изолированно и отдаленно друг от друга, в чумах, на стойбищах, хуторах.

В большинстве человеческих групп тем или иным образом ограничивались сексуальные связи между родителями и детьми или между сиблингами. В Ветхом завете представлен подробный перечень правил, определяющих все типы родственных отношений, которые позволяют или запрещают вступление в брак. Мать и дочь за вступление в связь приговаривались к сожжению, сиблингов, вступивших в отношения инцеста, приговаривали к публичной казни. Эти общие инцестные табу среди евреев явились основой для последующих табу в западной культуре, особенно в Англии и Соединенных Штатах Америки. Сексуальная связь между взрослым и ребенком стала рассматриваться как правовая проблема в Англии в 1576 г., когда вышел закон, защищающий от изнасилования девочек младше десяти лет.

В патриархальной модели общества женщина рассматривалась в качестве сексуального объекта. Для дореволюционной сословной России принуждение к половым отношениям женщин, девочек, мальчиков было типично и обыденно. Половые отношения между главой кре-

стьянской семьи и его снохой были фактически обычной стороной жизни патриархальной семьи. Среди причин его сохранения сезонный отток молодых мужчин на заработки и ранние браки. О снохаче с сочувствием говорили: «Сноху любит. Ен с ней живет как с женой, понравилась ему». В середине XIX в. было принято женить 12 – 13 летних мальчиков на невестах 16 – 17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), свекор принуждал сноху к половой близости. Использовались и уговоры, и подарки, и обещания легкой работы, по поговорке: «Смалчивай, невестка, – сарафан куплю». Иначе уделом молодой становилась непосильная работа, придирки, унижения, побои [11].

Архетипические идеи имеют свой источник в архетипе, который сам по себе есть бессознательная форма, способная к спонтанному самопроявлению где угодно и когда угодно. Это с позиции социальной психологии. С позиции психиатрии «клишированность» поведения, повторяемость *modus operandi* может быть проявлением клинической картины психического расстройства, например, некрофилии, некрофагии, педофилии, садизма.

Классическим примером инцеста в современном мире является *«Дело Фритцля»*, (2009, Австрия). *18-летняя дочь Фритцля «исчезла» в подвале многоквартирного дома, где находилась в заточении и была «сексуальной рабыней» отца в течение 24 лет, родила 7 детей, один родившийся ребенок в связи с некачественной медицинской помощью умер, тело Фритцль сжег, трое так и росли в подвале, а троих «непутевая мамаша», фактически запертая в подвале, якобы подбросила родителям для усыновления. Жена и другие дети подозреваемого говорили, что ничего не знали, так как вход в подвал всей семье был строго запрещен. Выяснилось все это только тогда, когда 19-летняя старшая дочка-внучка, которая никогда не видела дневного света, заболела и ее отец-дедушка все-таки отвез в больницу. Как типично для подобных случаев, ни жена Фритцля, ни соседи «ничего не знали». ...А в 2011 г. в австрийской деревушке арестовали 80-летнего мужчину, который 40 лет избивал и принуждал к сексуальным от-*

ношениям двух своих дочерей, которым на момент освобождения из плена исполнилось 45 и 53 года, они жили в доме, им разрешалось иногда выходить из дома с отцом.

В реальной жизни инцест встречается часто, но вследствие того, что семьи скрывают «свой позор», в обществе он до сих пор считается редким явлением. Когда и как открывается тайна инцеста?

1) из сообщений медицинских организаций (травмы, венерические болезни, ранняя беременность); 2) когда потерпевший, взрослея, начинает осознавать характер совершаемых с ним действий и оказывать сопротивление; 3) при расследовании других уголовных дел, например, при убийстве ребенка от запретной связи, при совершении виновным других преступлений в отношении иных потерпевших; 4) при обращении к психотерапевту через много лет, во взрослом возрасте, для решения «нерешаемых» личных проблем; 5) случайно. О домашнем бытовом сексуальном насилии часто становится известно спустя многие годы или даже десятилетия. Косвенным показателем количества половых преступлений против несовершеннолетних являются официальные данные Министерства здравоохранения, согласно которым в России ежегодно беременеют и рожают около 600 малолетних детей [10. с. 227].

Обычно инцест начинается с малолетнего возраста потерпевших (чаще с 8–12 лет) и принимает характер длительного сожительства, нередко сочетающийся с другими формами жестокого и небрежного отношения. При инцесте происходит вовлечение зависимых, психически и физиологически незрелых детей и подростков в сексуальные действия, нарушающие общественные табу семейных ролей, которые они еще не могут полностью понять и на которые не в состоянии дать осмысленного согласия.

Виновниками инцеста в большинстве случаев являются лица мужского пола (отцы, дяди, дедушки, старшие братья), что может иметь медицинское и психологическое объяснение. Парафилии встречаются у мужчин, хотя другие расстройства поведения встречаются и у женщин. Небольшое число инцестных связей между матерью и сыном по сравнению с отношениями между отцом и дочерью объясняют тем, что все женщины рассматри-

вались в качестве сексуального объекта, дочь «принадлежала» отцу и рассматривалась как его «собственность», поэтому инцест между отцом и дочерью был вполне допустим – как посягательство на «свое собственное имущество», он не мог считаться серьезным правонарушением [5. с.3]. Отношения были с отцами или отчимами бывают более длительными по времени. Самые распространенные «пары»: отец/отчим- дочь, брат-сестра, дедушка-внучка, дядя-племянница, мать-сын (по убыванию). Отчимы оправдывают свое поведение тем, что биологического инцеста здесь нет.

Когда инцестные отношения стали негативно оцениваться обществом, семья предпочла скрывать «позор семьи». Инцест стал надежно охраняться «семейной тайной». Тайна никогда не принадлежит одному человеку – она всегда носит системный характер. Тайна касается всех участников системы, всех аспектов сложившихся отношений, и ее рассекречивание может привести к изменению имиджа семьи. Мотивами являются любовь к близким, страх, потребность в принадлежности к группе. Страх за сохранение семьи или своего места в ней приводит к тому, что человек решает оставить все так, как есть, и не раскрывать семейный секрет. Человек хранит тайну, потому что он опасается свою репутацию, физическое здоровье, жизнь; боится за близких людей, которые могут пострадать в случае открытия секрета, их могут привлечь к ответственности; переживает за значимые отношения (за брак) - их стабильность и надежность. Хранители тайны боятся утраты благ, социального статуса семьи или ее членов. Существует угроза прямой или косвенной агрессии по отношению к ребенку; убеждение ребенка в том, что ему никто не поверит; страх в результате запугивания агрессора по поводу того, что если второй родитель (родители) узнает о случившемся, то не простит этого обоим участникам инцеста; опасение, что второй родитель этого не переживет, заболеет и вина за его состояние ляжет на ребенка; запугивание судом: отца (мать) посадят в тюрьму, а семья не сможет жить без него; боязнь публичного осуждения. Причина молчания жертвы инцеста заключается в страхе и за себя, и за то, что ситуация в семье ухудшится. Каждый член семейной си-

стемы старается быть верным негласному договору о молчании. Семейные секреты хранят из-за осознания значимости семейных отношений и ценности принадлежности к этому кругу [9].

Многие годы живя в состоянии страха за свою жизнь, в полной зависимости от агрессора, когда агрессор иногда проявляет доброе отношение к ребенку, ласку, заботу, у ребенка может возникнуть «стокгольмский синдром» (синдром присоединения к агрессору), при котором ребенок оправдывает поведение агрессора, когда между ребенком и агрессором возникает тесная эмоциональная связь, симпатия, или страдающая сторона объясняет поведение агрессора как единственно возможное [10].

Анализ семейной ситуации жертв инцеста позволяет выделить следующие типы материнского поведения: 1) мать действительно не знает об инцесте; 2) мать знает об инцесте, но ничего не предпринимает. Такой вариант материнского поведения является наиболее деструктивным: ребенок чувствует себя преданным обоими родителями; 3) мать предпочитает «не знать» об инцесте. Такая мать выступает как классический «молчаливый партнер» (*соинцестор*), выбирающий избегающее поведение. Психологическими особенностями таких женщин являются пассивность, низкая самооценка, зависимость, инфантильность, потребность удержать мужа и любым способом сохранить семью. Однако роль мамы-жены состоит не просто в «невмешательстве» в ситуацию, нередко она молчаливо «одобряет» действия мужчины, допускающего сексуальное злоупотребление, позволяя ему такое поведение. В связи с сексуальным «дисбалансом» в супружеских отношениях она вынуждена «закрывать глаза» на поведение супруга либо за пределами семьи, либо в семье. Но если первое угрожает стабильности брака, то при втором варианте не возникает угрозы стабильности семьи, сохранение тайны спланирует семью, а психологическое и физическое здоровье ребенка является «ценой» сохранения семьи. Анализ следственной практики показал, что часто мотивом поведения жены-свидетеля является финансово-материальный, когда жена говорит старшей дочери- потерпевшей: «Ты уж потерпи, мы тебя через 2-3-4... года замуж выдадим, а мне еще

младших поднимать надо...», игнорируя психологическую травму потерпевшей девочки, а также высокую вероятность «расширения» инцестных отношений за счет вовлечения младших детей...

Не во всех случаях инцеста с малолетними у виновных выявляется педофилия, инцестное поведение может быть связано с состоянием опьянения, когда ребенок выбирается в качестве объекта сексуального воздействия в связи с доступностью и отсутствием активного сопротивления, возможно выявление у виновного синдрома недифференцированного объекта сексуального влечения.

Инцест существует во всех социальных группах. Более высокий статус или материальное положение только создают «маску нормальности», поддерживая искусственный «имидж благополучной семьи». Если люди, совершающие инцест, социально успешны, пользуются уважением, то сообщения жертвы об инцесте, как правило, не вызывают доверия («маска нормальности»). «Маска нормальности» – термин Херви Клекли, означающий способность психопатов казаться абсолютно нормальным, психически полноценным человеком. Это притворное, искусственное поведение, направленное на соответствие принятым в обществе нормативам [2].

Когда ребенок в силу возраста еще не может оценить социальную характеристику действий в его отношении, он в ходе социализации привыкает к мысли, что сексуальные отношения родителей с детьми – это «норма» семейных отношений [6. с. 217-218]. В инцестуозной среде «у человека происходит фиксация на первоначальных сексуальных объектах, которыми являются родители, поэтому он не нуждается в сексуальных контактах за пределами своей семьи» [9. с.132].

В случае возникновения связи «отец – дочь» мать-жена подсознательно или осознанно передает ей обязанность по сексуальному обслуживанию отца- мужа. Мать-жена исключается из *супружеской* подсистемы, она «передает» собственные супружеские функции дочери, перекладывая на последнюю ответственность за сохранение семьи. Дочь становится дочерью- женой, а жена изменяющего супруга - супругой- тещей, поскольку ее дочь уже выполняет роль «жены».

Подобная жизнь в семье требует тайного поведения. В ней нежелательны бе-

ременности, поскольку, с одной стороны, они приводят к временному распаду семейного монолита, а с другой – способствуют разглашению семейной тайны. Инцестные семьи, как правило, живут замкнуто, имея минимальное количество контактов с внешним миром.

В связи с особенностями личной и семейной истории матери, сами бывшие жертвами инцеста, следуя *семейному сценарию*, могут неосознанно провоцировать или поддерживать инцестуозное поведение мужа. Ситуация инцеста возникает в семьях с нездоровыми супружескими отношениями, которые женщины в силу ряда причин (материальная и другая зависимость, многодетность, страх перед агрессивным мужем, личностная незрелость и др.) не могут прекратить. В этих случаях ребенок оказывается жертвой и лишен возможности быть защищенным матерью, так как мать косвенно поддерживает инцестуозное поведение мужа. Насильник всегда рядом, он контролирует ситуацию.

Совместно проживающие лица находятся в *со-зависимости*. В поведении матери и других родственников включается психологическая защита «отрицание» («ничего не вижу»). Отрицание – это способ справляться со сложными и болезненными ситуациями: не признавать случившееся, и тогда событие, поступок, чувство или проблема волшебным образом «исчезнут». В этом случае человек уверенно говорит, что «все прекрасно», «ничего страшного не случилось» или что «вообще ничего не было», «у меня все хорошо», «мы не должны никому ничего говорить»; «не выноси сор из избы»; «молчание – золото», «мы должны хранить тайну любой ценой». Бремя тайны иногда несут на себе несколько поколений [9].

Криминально-сексуальные действия *внутри семьи* – это систематические действия, длящиеся в течение определенного периода (продолжительная инцестуальная связь), которая носит «характер массивной и длительной психотравмы» [3. с.70]. Психогенные расстройства при длительном внутрисемейном сексуальном насилии - инцесте развиваются не после однократных массивных психических травм, а в результате пролонгированного действия своеобразной сексуальной травмы, нередко сочетающейся с другими формами жестокого и небрежно-

го отношения со стороны кровных или некровных родственников [3]. Механизмы действия сексуальной травмы зависят от ее особенностей — массивности (частота и тяжесть сексуальных действий), преобладания острого, неспецифического, шокового или хронического, неагрессивного травматизирования, которое приобретает характер «жизненной ситуации» и сочетается с *имитацией ребенка поведения* посягателя [6.с. 217].

У жертв инцеста наряду с психологическими последствиями насилия (чувство изоляции, кошмары по ночам, побеги из дома, аутоагрессия в виде нанесения себе увечий, проявления непокорности, истерик, неприятия физического тела, жестокость к животным и детям), ранняя сексуализация приводила к искажению сексуального развития, что проявлялось в страсти к порнографии, фетишизм (ношение женского белья или мастурбация с ним), вуайеризм, интерес к БДСМ, склонность к зоофилии, поджогам (пиромания) страсть к телефонным разговорам с непристойными предложениями, проституция, копрофилия. Жертвы во взрослой жизни имели конфликты на сексуальной почве (92 %), страдали сексуальной дисфункцией (69 %), имели скудное представление о нормальной сексуальной жизни (77 %) [6. с. 216]. При совершении насильственного преступления они склонны наносить жертве прижизненные и посмертные увечья, включая травмирование, уничтожение и вырезание половых органов, что свидетельствует о *желании выместить подавленную агрессию на том, что стало причиной страданий* [6.с.215].

У агрессора появляется ощущение, что жертва инцеста должна принадлежать только ему. А ребенок растет, и у него появляется понимание социального характера совершаемых в отношении него действий. В дальнейшем при недоступности прежнего объекта влечения преступником осуществляется поиск других потерпевших в семейном кругу или за его пределами с возрастанием уровня агрессии.

Архетип похищения человека и рабства.

Работорговля, торговля женщинами и детьми, использование рабов в сексуальных целях процветала многие века. И сейчас существует в отдельных регио-

нах. О случаях сексуального рабства становится известно случайно.

1990-2000 гг., 9 лет в сексуальном плену - девочка Фусако Сано с 9 лет до 18 лет у японца Сато.

1977-1984 гг., Колин Стэн 6 лет находилась в плену у супругов Хукер в Северной Калифорнии.

1998-2006 гг. Вена, похищение Наташи Кампуш Приклопиллом, 8 лет в плену.

2002-2008 гг., 6 лет в плену 10 летняя девушка в плену у 61-летнего мужчины в Бразилии.

В России процветала торговля крепостными крестьянами, в наибольшей степени – во времена Екатерины II. Среди крестьянских повинностей была и своеобразная «барщина для женщины». Изнасилование невесты помещиком перед свадьбой, изнасилование малолетних крепостных крестьян – обычное дело. Принцип, который оправдывал господское насилие над крепостными женщинами, звучал так: «Должна идти, коли раба!» [7].

В 2005 г. в России был вынесен приговор 54-летнему Мохову, который 3 года и 8 месяцев удерживал у себя в подвале в качестве секс-рабынь 2 девушек. На момент похищения в 2000 г. одной было 14, другой - 17 лет. Использовал пытки – ограничение подачи кислорода, воды, тепла, питания. Старшая девушка дважды рожала, младшая принимала у нее роды. «Рабовладелец» имел хорошую репутацию на работе, не пил, не курил, не имел дисциплинарных взысканий, занимался приусадебным участком, его отец отбывал наказание за изнасилование.

Архетип виктимного поведения.

Побой крепостных за малейшую провинность (пересоленная курица, опрокинутая солонка) в России были обычным делом. Пороли и истязали подалше от барского дома, на конюшне. Палками, розгами, плетями. Культивировалась психология раба. Принято было кланяться в пол, благодарить за побои и наказание [8].

Многовековое крепостное право (рабство) оставило след в архетипе виктимного поведения. В связи с этим А.П.Чехов в письме к журналисту А.Ф.Суворину писал о необходимости «выдавливает из себя по капле раба».

Виктимное поведение при инцесте.

Виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц предопределена их воз-

растом [10. с.219]. Снижение виктимности происходит в процессе взросления, социализации. Особенности детско-родительских отношений, основанных на доминировании родителя и подчинении ребенка, не предполагают использования понятия «свободный выбор» из-за зависимости ребенка от взрослого. У ребенка нет выбора: родитель может наказать ребенка в случае отказа от сексуальных отношений, отказать в удовлетворении его потребностей. Иногда дети и подростки ведут себя провокационно и соблазняют взрослых («соблазняющий ребенок»). Когда ребенок начинает понимать, что сексуальное поведение – способ получения определенных выгод, то он может использовать его. Ребенок всегда должен расцениваться как жертва, даже если он демонстрирует соблазняющее поведение. Он является жертвой семейной дисфункции, а не только сексуального акта. Если инцестное поведение в семье обусловлено личной историей родителей, то они также могут рассматриваться как жертвы собственного травматичного опыта, а инцест – как результат действия *семейных сценариев*, передающихся из поколения в поколение.

Сексуальное насилие нередко становится причиной *«вторичной виктимизации»*, когда жертва снова и снова подвергается ему уже со стороны других лиц.

У жертвы формируются виктимные качества. Виктимная личность не умеет отказываться, защищать свои интересы, самоутверждаться. Виктимная личность – личность зависимая. Жертва может вырастить только жертву. Чтобы превратить человека в жертву, нужно время. Когда агрессор и жертва живут в одной семье, их деструктивные действия – унижение, оскорбление – регулярно повторяются. Ежедневно один член семьи контролирует другого, управляет его жизнью, издевается над ним.

Виктимное поведение транслируется из поколения в поколение. Семья поддерживает сохранение жертвенных сценариев. Инцест никогда не заканчивается одной жертвой. В этом же поколении, в следующем или через поколения семья воспроизведет дуэт «жертва – тиран» [9]. Тщательно скрываема от внешних глаз инцестная связь в дальнейшем может быть повторена детьми в новых отношениях, потому что для них она стала нормой.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Антонян Ю.М. Понятие архетипа. //Юридическая психология, 2006, № 4; Антонян Ю.М. Архетип трикстера и его криминологическое значение //Юридическая психология, 2008, № 3. СПС КонсультантПлюс.
2. Ахмедшин Р.Л. О природе «маски нормальности» серийных убийц//Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2001.
3. Васкэ Е.В. Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста. Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 70.
4. Гроф С. Области человеческого бессознательного//www.klex.ru/4un
5. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы. Электронный журнал «Психологическая наука и образование» <http://www.psyedu.ru>
6. Маркина И.Н. Сексуальное насилие в детстве и его влияния на становление личности серийного сексуального убийцы//Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (17). С. 215-217.
7. «Многие помещики наши весьма изрядные развратники...» История женщин в России. Цитаты и афоризмы о России и русских// <http://honestlil.livejournal.com/54962.html>
8. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1654 г.). Пер. А. М. Ловягина, СПб., 1906.
9. Олиферович Н. Семейные тайны. Хранить нельзя открыть //Изд-во Питер. Спб., 2016. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=55000 (дата обращения: 05.05.2017)
10. Тимошина Е.М. Состояние и динамика виктимизации несовершеннолетних// Библиотека криминалиста. 2015. № 1 (18). С.219.
11. Духовные скрепы. Инцест и проституция в Российской Империи//URL: <http://trip-trial.blogspot.ru/2014/10/duhovnye-skrepy-incest-i-prostituciya-v-rossiyskoy-imperii.html> (дата обращения: 05.05.2017)
12. Маркин В. Загадки генетики. Кровосмешение //Сайт «Тайны, загадки, факты». URL: http://www.factruz.ru/genetic_mystery/incest.htm (дата обращения: 05.05.2017)

ИЛЬЮК Елена Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации». ИПК, 2 факультет. Екатеринбург.
E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru

Пчук Е.В.

ARCHETYPE OF CRIMINAL AND VICTUAL BEHAVIOR

The collective unconscious manifests itself in archetypes-models of behavior. The archetypes of incest, suicide, and infanticide are self-replicating, as they are included in the negative criminal experience of humanity. From century to century criminal patterns of behavior are repeated. Related marriages between brothers and sisters in Ancient Egypt, the prevalence of «snohachestva» in the early marriages in tsarist Russia, the sale of serfs (slavery), which were regarded as a «norm» of behavior. At the heart of victim behavior is the archetype of slave behavior.

Keywords: *archetype, collective unconscious, incest, «Stockholm syndrome», victimity, mask of normality, latency.*

ILYYUK Elena V., candidate of law.N., associate Professor, Department of criminal law, FGCO IN the “Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation”. IPK, 2 faculty. Ekaterinburg.
E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru

Муллахметова Н. Е.

ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются виктимологические аспекты преступлений, совершенных в отношении лиц с психическими расстройствами, гарантии соблюдения их прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. Автор также анализирует вопросы оценки показаний потерпевших с заболеваниями психики.

Ключевые слова: жертва преступления, виктимность, психические расстройства, потерпевший, уголовное судопроизводство.

Психические расстройства изучаются с позиции разных наук, в том числе и юридических, и относятся к числу криминогенных и виктимогенных факторов. По данным официально опубликованной статистики в России в 2015 году число пациентов с впервые установленным диагнозом психического расстройства, обратившихся за консультативно-лечебной помощью, составило 377354 человек, из них психозы и состояния слабоумия выявлены у 59247, шизофрения – у 6573, умственная отсталость – у 19044 человек. При этом число лиц с ранее установленными диагнозами психических расстройств, обратившихся в психоневрологические организации, составило 4044210 [1]. Приведенные цифры вызывают тревогу, ведь люди с нездоровой психикой могут не только сами совершать общественно опасные деяния, но и становиться легкой добычей преступников. А вдвойне криминогенной будет ситуация, когда преступник с дефектами психики столкнется с таким же потерпевшим. Наиболее ярко такое сочетание

проявляется, например, при совершении убийств, связанных с исполнением религиозного обряда. Здесь жертва выступает активным участником ритуала, попадает под влияние членов секты и воплощает их интересы и цели [2].

Безусловно, наличие психического расстройства может сочетаться с другими факторами, обуславливающими виктимность: злоупотребление алкоголем, ведение асоциального образа жизни, не критичность мышления. Так, исследования, проведенные могилевскими врачами-психиатрами, показали, что каждый третий потерпевший с психическими расстройствами в момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения [3].

Ученые уже более ста лет назад обратили внимание на особенности виктимности лиц, имеющих психические расстройства. Еще Р. Краффт-Эбинг (1895) выделял «бессознательные» состояния, способные нарушить возможность потерпевшего оказывать сопротивление правонарушителю. К ним он относил широ-

кий спектр патологических состояний, характеризующихся как полной утратой сознания, так и различными клиническими формами помрачения сознания. Наличие душевной болезни являлось предпосылкой для вывода о «беззащитности». М.И. Райский (1928) в обобщенном определении понятия беспомощности как состояния физических и умственных сил человека предусматривал и патологическую беспомощность, которая может явиться следствием болезней, в том числе и психических. М.И. Коченов (1980) к психологическим показателям способности оказывать сопротивление относил сохранность целенаправленности поведения, устойчивость к внешним воздействиям и отсутствие психических состояний типа физиологического аффекта, способных оказывать тормозящее влияние на психическую деятельность [4.С.57]. Эти ученые рассматривали влияние психических аномалий жертвы на формирование и развитие криминальной ситуации.

Следует учитывать, что в некоторых случаях психическое расстройство не является виктимогенным фактором, а может наступить вследствие преступного посягательства. Так, приговором Волжского городского суда Республики Марий Эл Козлов А.В. был признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Установлено, что Козлов нанес потерпевшему не менее двух ударов по голове и различным частям тела. Согласно заключению экспертов закрытая черепно-мозговая травма в форме ушиба головного мозга легкой степени находится в прямой причинной связи с развитием у потерпевшего психического расстройства в форме «Деменции (F02.8) и по этому критерию относится к повреждениям, причинившим тяжкий вред здоровью [5].

Сегодня ученые-виктимологи выделяют множество направлений исследования жертв преступлений, в том числе психиатрическую виктимологию (изучающую проблемы жертв с отклонениями в психике) [6]. Наличие психического расстройства всегда рассматривалось виктимологами как один из факторов, определяющих повышенную уязвимость лица, его виктимность. А специалисты в области уголовного права связывают рас-

стройство психики с беспомощным состоянием потерпевшего, что учитывается в качестве квалифицирующего признака в некоторых статьях Уголовного кодекса РФ. Так, согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. Однако установление только лишь наличия заболевания психики не обязательно свидетельствует о беспомощном состоянии лица. Здесь важно доказать неспособность лица понимать значение совершаемых действий и оказывать сопротивление, что устанавливается путем производства судебной психолого-психиатрической экспертизы [7. С.109].

В уголовном процессе для жертв преступлений с расстройствами психики предусмотрены дополнительные гарантии соблюдения их прав и законных интересов. Так, например, применительно к случаям возбуждения уголовных дел частного обвинения при отсутствии заявления потерпевшего п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» содержит разъяснение, что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Ученые-процессуалисты наличие заболевания психики у потерпевшего связывают с его процессуальной недееспособностью. С. П. Щерба пишет, что причиной процессуальной недееспособности

потерпевшего могут быть постоянные или временные болезненные нарушения психической деятельности, которые в силу своей глубины или стойкости ограничивают или лишают его способности правильно и полно воспринимать и воспроизводить, запоминать и оценивать обстоятельства, имеющие значение для дела, понимать свое процессуальное положение и самостоятельно пользоваться средствами и способами защиты своих процессуальных прав [8. С. 33].

Таким образом, в уголовном процессе наличие расстройства психики у потерпевшего учитывается при оценке его показаний и при решении вопроса о его нуждаемости в дополнительной процессуальной защите. Так, согласно ч. 2 ст. 45 УПК РФ в случае, если потерпевший по своему психическому состоянию лишен возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, участие в деле его законного представителя или представителя является обязательным. Кроме того, ст. 191 УПК РФ требует привлекать педагога или психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания или проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего, хотя и достигшего 16 лет, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. Представляется, что участие специалиста-психолога или психиатра при производстве следственных действий с участием потерпевшего с расстройством психики должно обеспечиваться независимо от его возраста. Очевидно, что присутствие на допросе лечащего врача такого потерпевшего существенно поможет следователю разобраться в особенностях психического заболевания допрашиваемого, правильно оценить данные показания.

Действующий УПК не предусматривает запрет на использование в качестве доказательств показаний потерпевших с психическими расстройствами. Однако согласно ст. 196 УПК РФ назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Анализ судебной практики показывает, что не всегда при наличии у потерпевше-

го заболевания психики назначается судебно-психиатрическая или психолого-психиатрическая экспертиза. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела кассационную жалобу осужденного Трапезникова К. А. на приговор Архангельского областного суда от 25 августа 2006 года, которым Трапезников К. А. осужден по ст. 105 ч. 2 п. п. «ж», «з» УК РФ к 15 годам лишения свободы. В своей жалобе осужденный указал в качестве одного из доводов на то, что судом не принято во внимание, что потерпевшая М. является психически больной, состоит на учете в психодиспансере, и достоверность ее показаний вызывает сомнение, однако его ходатайства по этому поводу были необоснованно отвергнуты. Однако суд кассационной инстанции указал следующее: «Доводы Трапезникова о психическом заболевании потерпевшей М. влияющей на достоверность ее показания, не могут влиять на законность и обоснованность приговора, поскольку по делу не имеется объективных данных о том, что она не способна правильно воспринимать происходящие события и воспроизводить их. Кроме того, ее показания не противоречат другим доказательствам и получили оценку в совокупности с ними». То есть ссылки на заключение экспертизы в отношении потерпевшей в деле не было, но суд признал ее показания достоверными и положил в основу обвинения [9]. Однако есть примеры, когда даже при наличии в деле заключения судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего, которым установлено, что потерпевший не мог понимать характер и значение совершенных преступных действий, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания, суды все равно ссылаются в приговоре на такие показания [См., напр.: 10]. В экспертном заключении могут содержаться выводы о том, что потерпевший в силу психического расстройства не способен давать показания только определенного характера, а не любые. Так, в уголовном деле по обвинению Ч. Л., Ч. М., Ч. В., М. и К. И. в приготовлении к мошенничеству одним из доказательств было заключение экспертов, согласно которому потерпевший Н.В.Ф. страдает хроническим психическим расстройством в форме параноид-

ной шизофрении, которое сопровождается нарушением интеллекта, мышления, что определяет вероятность искажения смысла воспринимаемых событий и их отображение, обуславливает неспособность Н.В.Ф. понимать характер и значение осуществляемых в отношении него действий, оказывать им сопротивление, а также воспринимать внутреннюю сторону обстоятельств, имеющих значение для дела, и давать о них показания. Однако это не лишает Н.В.Ф. способности давать показания о внешней (фактической) стороне произошедших событий. У Н.В.Ф. не выявляется признаков повышенной внушаемости, повышенной склонности к фантазированию. Показания потерпевшего Н.В.Ф. были признаны судом достоверными [11].

Некоторые процессуалисты обращают внимание на такую проблему: из анализа ст. 196 УПК РФ следует, что для уголовного судопроизводства потерпевший важен исключительно с позиции возможности дачи им показаний, то есть, по сути, как свидетель обвинения, в таком случае, за пределами законодательства остается вопрос защиты прав потер-

певшего. При этом в качестве цели производства судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемых и обвиняемых законодатель закрепил иную – сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве [12. С. 109]. Можно согласиться с тем, что такое положение дел не соответствует ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в которой в качестве приоритетной задачи УПК РФ определена защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Итак, наличие психического расстройства у жертвы преступления может рассматриваться как один из факторов, обуславливающих виктимность, либо наступать в результате преступного посягательства, влиять на уголовно-правовую квалификацию деяния. Кроме того, установление заболевания психики у потерпевшего требует от лиц, ведущих уголовный процесс, обеспечения дополнительных гарантий соблюдения его прав и законных интересов и более тщательной проверки достоверности данных им показаний.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Социально значимые заболевания населения в России в 2015 году. Статистические материалы. – М., 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/statistika/socialno-znachimie_zabolevaniya/ssz2015.pdf (дата обращения 30.04.2017)
2. Костылева Г.В. Типичная личность преступника и жертвы при расследовании убийств, связанных с исполнением религиозного обряда // Следователь. – 2004. - № 2 (70). С. 43-47.
3. Нестер Л.Н., Автухов Н.Н., Малиновская Е.А., Будько Я.А. Виктимность лиц с психическими расстройствами. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mopb.mogilev.by/viktimnost-lits-s-psikhichieskimi-rasstroistvami.html> (дата обращения 30.04.2017)
4. Серийные сексуальные убийства: Учебное пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России. Изд-во «Щит-М», 1997.
5. Приговор Волжского городского суда Республики Марий Эл от 09.12.2010. по уголовному делу № 1-361/10. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-volzhsnij-gorodskoj-sud-respublika-marij-el-s/act-101016512/> (дата обращения 30.04.2017)
6. Малкина-Пых И. Виктимология. Психология поведения жертвы. – М.: ЭКСМО, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/00/42/09/00420962.a4.pdf> (дата обращения 30.04.2017)
7. Полянская В.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности потерпевших по делам о половых преступлениях понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1. С. 106-109.
8. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам. Пособие / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Щербы С.П. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001.
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.12.2006 № 1-006-50 // СПС «Консультант Плюс»

10. Постановление Президиума Томского областного суда от 28.09.2016 № 44у-85/2016 // СПС «Консультант Плюс»

11. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.09.2016 по делу № 10-13290/2016 // СПС «Консультант Плюс»

12. Холодов А.В. Проблемы правового регулирования и практики применения назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 107-111.

МУЛЛАХМЕТОВА Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Смоленский гуманитарный университет.
E-mail: nati16011978@mail.ru

Mullakhmetov N.E.

VICTIMS OF CRIMES WITH MENTAL DISORDERS: VIKTIMOLOGICAL AND CRIMINAL-PROCEDURAL ASPECTS

The article deals with the victimological aspects of crimes committed against persons with mental disorders, guarantees compliance with their rights and legal interests in criminal proceedings. The author also analyzes the issues of assessing the testimony of victims with mental illness.

Keywords: *victim of crime, victimization, mental disorders, victim, criminal procedure.*

MULLAKHMETOVA Natalia Evgenievna, Candidate of Law, Associate Professor, Head. Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Smolensk Humanitarian University.
E-mail: nati16011978@mail.ru

Утков П. Ю.

СУИЦИДАЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ФАКТОР ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА ОБРАЗЦА ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ КРИЗИСНОМ СОСТОЯНИИ (ПРОГНОЗ НА XXI ВЕК)

Статья посвящена анализу суицидальности несовершеннолетних как фактору эмоционального выбора образца виктимного поведения при кризисном состоянии. На основе изучения открытых статистических данных автором сделан прогноз виктимности несовершеннолетних.

Ключевые слова: *суицидальное поведение, превентивная психология, психологическая коррекция, виктимность, несовершеннолетние, психологическая безопасность.*

С 2011 по 2015 год в стране ежегодно суицидов становилось меньше на 10%. Однако в прошлом году количество самоубийств выросло на 60%. Об этом сообщила уполномоченный по правам ребёнка РФ Анна Кузнецова, – пишет Лайф [6]. Подобная ситуация могла сложиться из-за того, что в интернете увеличивается количество так называемых «групп смерти». Социально делинкветные «личности» с явно нарушенным самосознанием активно призывают молодёжь, вступить в группу, где распространяют информацию о том, как покончить с собой, и внушают несовершеннолетним, что уйти из жизни гораздо удобнее, чем решать возникающие проблемы, примером может служить «Синий кит» и им подобные (*комментарий автора*).

В связи с этим необходимо усовер-

шенствовать нормативно-правовую норму, методическое обеспечение, повышать доступность помощи специалистов, отмечает Анна Кузнецова. При этом омбудсмен отмечает, что в школах не хватает штатных психологов, которые смогли бы продуктивно взаимодействовать с детьми, превентивно проводя катamnестические технологии и приёмы (*комментарий автора*).

Стоит напомнить, что в прошлом году Башкирия стала лидером по количеству самоубийств. По состоянию на сентябрь 2016 г. в республике 914 человек добровольно покончили с собой. Вместе с тем, Московская область с показателем 742 человека составляет второй показатель, а третье место – это Челябинская область с количеством 666 добровольных уходов из жизни. Меньше всего самоубийств по

итогах девяти месяцев 2016 года произошло в Чечне и Астраханской области, ни одного случая суицида не было зарегистрировано в Ингушетии.

Напрашивается ряд вопросов:

1. Приводит ли урбанизация к увеличению суицидов несовершеннолетних?

2. В какой мере играют эмоциональные переживания подростков при таком темпе урбанистической жизни?

3. Выбирая сценарий поведенческих реакций, ребёнок даже подчас не понимает последствий. «Я буду такой красивой в гробу», было сказано велиссой (мелиссой) на консультации. Прямое суицидальное поведение — это мысли, попытки, жесты и завершённые суициды.

Часто результатом поведенческих реакций становится моральная жестокость, которая в свою очередь — становится преступлением несовершеннолетних. Например:

д) Школьная травля или буллинг. Школьная травля, или буллинг, является весьма распространенным явлением в образовательном учреждении.

Буллинг - это многократное и длительное воздействие на школьника со стороны одного или нескольких обучающихся. « Недружелюбные действия могут принимать форму физического проявления, словесных или иных оскорблений (например, непристойных гримас и жестов) или намеренного исключения из коллектива». Конечно, чаще всего обучающийся ребёнок — это жертва, уступающая в степени физической подготовки преследователю и, соответственно, он не может противодействовать травле.

В образовательном учреждении жертвами, как правило, становятся неуверенные в себе воспитанники, использующие конформные реакции в своей структуре социальной адаптации. Неадекватная самооценка, трусость, неприятие себя как личности, неуверенность в своем социальном статусе — это основные черты личности жертвы.

Исследователи, изучающие буллинг, отмечают, что лицо, против которого непосредственно направлено насилие, не является единственной жертвой. Это и сторонние наблюдатели или невольные свидетели происходящего, не подвергавшиеся непосредственной агрессии. Негативное воздействие в отношении этих лиц является косвенным. Причины

школьной травли различны: это и школьные факторы, и внешние обстоятельства, и манера поведения потенциальных жертв и преследователей, и социально-экономический статус основных участников и многие другие.

Существует определенная предрасположенность к участию в буллинге. В ее основе - «сочетание «сложного» характера ребенка с негативными родительскими установками и нежелательным практическим опытом».

Последствия жестокого обращения бывают самыми разнообразными.

Физическое насилие может привести к синякам, трещинам, переломам, ожогам, черепно-мозговым травмам, повреждениям внутренних органов. Все это может привести к нарушениям нормальной жизнедеятельности организма. Но детям и подросткам может потребоваться меньше время для лечения физических повреждений, чем для нормализации психического состояния. Ребенок может чувствовать себя несчастным всю продолжающуюся жизнь. Это может привести к наркомании и правонарушениям, преступлениям. Иногда, становясь родителями, они настолько усваивают неправильный стиль поведения, что сами начинают истязать собственных детей.

Дети и подростки, которыми пренебрегают, сталкиваются с целым рядом трудностей. Они могут быть излишне замкнутыми или чрезмерно агрессивными. У них могут быть проблемы с принятием пищи и обменом веществ, многие из них страдают хроническими заболеваниями. Такие дети могут неприятно пахнуть, быть грязными, у них стойки неудачи в процессе обучения. Эта совокупность проблем может закрепиться на неопределенный срок. Сексуальное насилие также оставляет неизлечимые психические и психологические травмы на долгое время или навсегда.

У людей, в детстве подвергшихся сексуальному насилию, сохраняются депрессивные состояния, приступы тревожности. У них появляются навязчивые страхи или фобии (например, клаустрофобия, агорафобия и другие), проблемы со сном, чувство изолированности и отсутствие самоуважения (неадекватная самооценка). Довольно часто проституция, половые инверсии могут возникнуть в результате перенесенного сексуального насилия.

Пережитое в детстве сексуальное на-

силе становится источником целого ряда личностных проблем, в общении с представителями обоих полов, в установлении нормальных половых отношений, конфликтов с близкими и родителями, а иногда и с собственными детьми.

Когда общество стало больше информироваться о жестокости в отношении детей, многие родители стали пересматривать свой стереотип поведения в семье, что может служить благоприятным прогнозом на развитие детско-родительских отношений.

Почти все программные средства, к сожалению, по пропедевтике или профилактике моральной жестокости, сводятся к работе психолога предвиденным последствиям. Необходимо озадачиться, что понимание данной проблемы – это двусторонний процесс.

Важно в работе психолога при общении с родителями в рамках кризисной психотерапии учитывать источники стрессов у матери и отца.

К потенциальным источникам стресса, как пишет Акарачкова Е.С. Коллеги Елены Сергеевны Вершинина С.В., Котова О.В., Рябоконт И.В. поддерживают её в том, что к потенциальным источникам стресса можно отнести: «расставание с близкими друзьями, переезд семьи, давление со стороны ровесников, резкие перемены в режиме дня, начало и окончание образовательного процесса на любых ступенях, подготовка и сдача экзаменов, прохождение собеседований и любое вторжение во внутреннюю среду психологии субъекта»[1].

Аддитивным является параметрические показатели направленности личности человека на псевдо мир или вымышленное окружение – компьютерные игры, различные хобби, которые подменяют реальность. Ложность гендерных представлений об окружающей действительности тоже является важной и значимой. Как часто бывает, когда, разговаривая по телефону и думая, что рядом никого нет, мы забываем, что за нами стоят наши близкие, а мы смело, даже с воодушевлением лжем. Образуется отрицательное депривационное поле, которое немедленно заполняется негативными образцами поведения. Природа не терпит пустоты.

В процессе дискретности латентного взаимодействия в семье «с пустотой» разных возрастных групп, проживающих на

одной территории, всегда можно ожидать от последующих поколений приобретение негативных образцов поведения.

Психолог вместе с родителями и детьми могут разработать целую систему определенных правил, соблюдение которых позволяет предупредить насилие. Эти правила могут содержать следующее:

- доверяйте ребенку и будьте готовы ему помочь. Ребенок должен знать это и не бояться вам довериться;

- никогда не оставляйте ребенка с лицами, которых плохо знаете или с незнакомыми людьми;

- не позволяйте маленькому ребенку одному пойти в общественный туалет;

- уходя из дома, дети всегда должны сообщать вам: куда они уходят, с кем и когда предполагают вернуться домой;

- не разрешайте маленькому ребенку (дошкольнику или младшему школьнику) уходить куда-либо одному. Если вы не можете его сопровождать, детям лучше идти парами или группами;

- убедите ребенка в том, что если он чувствует себя в опасности, кто-то ему угрожает или заставляет делать неприятные ему вещи, то ребенок может делать все: кричать (например, «Пожар!»), визжать, кусаться, звать на помощь, убежать, лгать – словом, все, что поможет избежать опасности;

- разрешите детям самим решать, кого из родственников или знакомых им целовать и обнимать. Не заставляйте их делать это против воли, когда им неприятно или когда они чувствуют, что что-то не так;

- не одевайте девочек-подростков в детские вещи, из которых они выросли, чтобы не подчеркивать сформировавшуюся фигуру.

Но если всё-таки насилие произошло, то реабилитационная работа с ребёнком может строиться несколькими путями: индивидуально, индивидуально-групповые занятия и групповые занятия. Групповые тренинги с детьми, пережившими насилие, могут быть разделены на несколько этапов. На первом решаются задачи адаптации детей к групповому взаимодействию, в ходе второго этапа осуществляется работа, непосредственно связанная с психологической травмой.

Анализируются: чувство вины, стыда, беспомощности, ответственности за про-

испешнее, а на третьем – объективизация самооценки, формирование умения отстаивать свои права. Переключение внимания ребёнка от негативного переживания на продолжение нормальной жизни. Конечно, возможны и другие варианты. Очень эффективными являются упражнения, типа «Письмо обидчику», совместные рисунки, «Испуганный ёжик» и многие другие.

«В тот злополучный пятничный вечер Светлана Горобец возвращалась с сыном Сашей домой, встретившиеся соседи по подъезду, к которым малыш любил ходить в гости, вдруг стали ругать Горобец за то, что она и ее супруг частенько бьют приемного сына. Придя домой, «мама Света», не сдержав раздражения, ударила Сашу по лицу. Затем, сорвав ремень, всегда висевший на одном месте, прижала упавшего на пол малыша ногой и стала бить. Как написала впоследствии в объяснительной записке Горобец: «Я обиделась на мальчика за то, что он все время говорит неправду про меня и моего мужа. Затем мы помирились, и Саша попросил у меня прощения». В понедельник утром Светлана Брониславовна отвела ребенка в детский сад. Чуть позже, увидев на лице и теле мальчика сильные синяки и кровоподтеки, работники детского учреждения, не дозвонившись на работу к приемной матери, сообщили о случившемся специалисту комитета по образованию. Затем события развивались стремительно. Избитого малыша отправили на судмедэкспертизу, где в присутствии воспитателя освидетельствовали. Со слов ребенка, его била «мама Света». Затем малыша поместили в центр помощи детям, а к вечеру Саша очутился в том же детском доме, откуда его чуть больше года назад и взяла на воспитание семья Горобец».

Данным примером мы хотим проиллюстрировать необходимость не только для того, чтобы данный факт отношения к приемному сыну семьи, но и с целью продемонстрировать порядок действий психолога, который по внешним признакам определил то, что с ребенком обращаются жестоко.

В аналогичной ситуации может оказать любой психолог, и очень важно знать, как правильно действовать, чтобы не причинить вред ребенку и родителям.

Во-первых, необходимо поговорить с

ребенком. Желательно сделать это без свидетелей. Отнеситесь к тому, что он рассказывает, очень серьезно.

Во-вторых, реагируйте спокойно и не показывайте, что все это вас шокирует или вам это неприятно, так как этим вы можете напугать ребенка или усилить его чувство вины. Ребенок может больше не говорить о случившемся, чтобы оградить вас от дальнейших болезненных переживаний.

В-третьих, в процессе разговора постарайтесь говорить теми же словами, которыми ребенок описывает ситуацию.

В-четвертых, постарайтесь успокоить ребенка словами: «я тебе верю», «ты не виноват», «ты не отвечаешь за последствия», «ты имеешь право злиться», «ты имеешь право на безопасность», «ты не единственный, кто подвергается такому обращению», «ты заслуживаешь того, чтобы тебе помогли», «ты заслуживаешь любви», «никто тебя не считает грязным или грубым» и т. п.

В-пятых, не задавайте ребенку слишком много вопросов и избегайте вопросов, требующих определенных ответов. Вопросы должны быть построены так, чтобы необходимость получения дополнительной информации не направляла ответ ребенка, например, «Что произошло дальше?» или «На что это было похоже?».

В-шестых, если вам необходимо рассказать о случившемся кому-то еще, например социальному педагогу, то вы должны объяснить это ребенку.

В-седьмых, обязательно сделайте подробные записи после окончания разговора.

После общения с ребенком вы должны отвести его к медицинскому работнику образовательного учреждения, который имеет право оказывать доврачебную помощь. Медсестра или фельдшер принимает решение о госпитализации ребенка или проведении медицинского освидетельствования. Вы в письменной форме информируете администрацию образовательного учреждения, классного руководителя и социального педагога о происшедшем. В вашей докладной обязательно должны излагаться факты в доказательной форме о систематичности происходящего, о вашей работе с семьей (в том случае, если это не впервые), о частоте посещений семьи и их результатов (обязательно приложите акты посещения семьи, вы-

писку из психологического анамнеза, собственные наблюдения и т.п.) и т. д.

Решение о дальнейших действиях принимает администрация совместно с психологом, социальным педагогом, классным руководителем и медицинским работником, оказывающим доврачебную помощь, органами опеки и попечительства, милицией.

Очень важным в процессе взаимодействия психолога и родителей является умение увидеть признаки, позволяющие сделать вывод о том, что родители или лица, их заменяющие, жестоко обращаются с ребенком.

Опосредованное суицидальное поведение – это необходимость пациента бесосознательно подвергает себя риску, опасному для жизни. Не имея при этом желания умереть: алкогольная интоксикация или злоупотребление наркотиками, злостное курение, переедание, голодание, злостный умысел, при нарушении правил дорожного движения, пренебрежение своим здоровьем, стремление под-

вергаться хирургическим вмешательствам, делинквентное (криминальное, антисоциальное) поведение, которое укладывается в схему МКБ-10. Z91.5. [8]

В возрасте 25–40 лет приходится 10% смертей, 30% – среди студентов вузов. 20% населения в течение жизни посещают мысли о самоубийстве, а ведь 10% суицидальных попыток заканчиваются летально. Мужчины очень часто совершают суициды путём самоповешения и огнестрелом. Женщины предпочитают приём больших доз ЛС.

В перспективе, только у 1% лиц виктимного поведения, в итоге завершают суицид. 30% — совершают повторные попытки самоубийства, риск которых особенно высок в течение 3 месяцев после первой попытки. Прогноз двадцать первого века возможен в случае раннего выявления факторов риска, превентивных действий, своевременной диагностики и адекватного лечения психических расстройств и склонностей.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Акарачкова, Е.С. Стресс у детей и подростков: причины и последствия, лечение и профилактика / Е.С. Акарачкова. - М., 2014 - С. 26.

2. Васильев, В.В. Психологические эффекты в практике педагогов / В.В. Васильев. - М.: АРКТИ, 2004 - 96 с.

3. Водопьянов, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянов. - СПб.: Питер, 2009 - 336 с.

4. Иовчук, Н.М. Детско-подростковые психические расстройства / Н.М. Иовчук. - М.: Изд-во НИЦ ЭНАС, 2002 - 80 с.

5. Исаев Д.Н. Психиатрия детского возраста: психопатология развития / Д.Н. Исаев. - СПб.: СпецЛит, 2013 - 469 с.

6. Кузнецова, Анна: режим доступа [https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/970962/anna_kuznietsova_nazvala_sposoby_borby_s_ghruppami_smierti_v_sotssietiakh] (дата обращения 25 марта 2017).

6. Курчанов, Н.А. Поведение: эволюционный подход / Н.А. Курчанов. - СПб.: СпецЛит, 2012 - 232 с.

7. Максименков, А.А., Майоров, А.В. Психологические аспекты виктимности // Виктимология. – 2015. - № 4(6). – С. 26-29.

8. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья детей и подростков. – М.: ВОЗ, ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России, 2016 - 241 с.

9. Утков, П.Ю. Виктимологическая составляющая психологической безопасности в Мурманской области // Наука, образование, общество. 2014. № 2 (2). С. 146-165.

10. Утков, П.Ю. Кризисная психотерапия в педагогической психологии виктимности младших школьников Кольского Заполярья: учебно-методическое пособие / П.Ю. Утков. - Мурманск, 2017 - 86 с.

10. Утков, П.Ю. Педагогическая психология виктимности несовершеннолетних в Мурманской области: монография / П.Ю. Утков. - Мурманск: ИП Кузнецов, СПб.: СПбУ-ТУЭ, 2016 - 195 с.

11. Хрестенко В.Е. Психология поведения жертвы / В.Е. Хрестенко. - Ростов н/Д: «Феникс», 2004 - 416 с.

УТКОВ Павел Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент, профессор РАЕ, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. Санкт-Петербург.
E-mail: pavelutkv@rambler.ru

Utkov P. Yu.

SUICIDAL'NOST' OF MINORS AS A FACTOR OF EMOTIONAL CHOICE SAMPLE VIKTIMNOGO BEHAVIOUR IN CRISIS (21)

The article is devoted to the analysis of juvenile suicidality as a factor of the emotional choice of a sample of victim behavior in a crisis state. Based on the study of open statistical data, the author made a prognosis of juvenile victimization.

Keywords: *suicidal behaviour, preventive psychology, psychotherapy, victimization of juveniles, and psychological safety.*

UTKOV Pavel Yu., Cand. PED. Sciences, associate Professor, Professor RAE, Saint-Petersburg University of technology of management and Economics.
E-mail: pavelutkv@rambler.ru

Сухарев А. А.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ВИКТИМНОСТЬ КАК СЛЕДСТВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Больше всего насильственных преступлений совершаются на бытовой почве. При этом в юридической деятельности в основном учитывается и анализируется физическое домашнее насилие, а не психологическое. Вместе с тем, существует значительная группа населения, испытывающая большое неблагоприятное психологическое воздействие со стороны своих близких. В результате эти люди часто страдают тяжкими сердечнососудистыми и другими заболеваниями, которые могут приводить к инвалидности и преждевременной смерти. Введение в научный оборот понятия «привилегированная виктимность» будет способствовать предупреждению психологического домашнего насилия.

Ключевые слова: психологическое домашнее насилие, привилегированная виктимность, адаптационные возможности.

Статистика свидетельствует, что больше всего насильственных преступлений, в том числе, убийств совершается в результате домашнего насилия. Так, в Беларуси за 10 месяцев 2015 года из-за домашнего насилия погибло около ста человек. Причем каждым третьим убийцей оказалась женщина.

В криминальных сводках стало привычно слышать, что супруги, сожители, родители, дети, другие родственники, друзья при определенных условиях (ссоры, алкогольное или наркотическое опьянение и т.д.) могут нанести друг другу тяжкие повреждения, а зачастую просто убить. Безусловно, эта проблема требует дальнейшего исследования и поиска путей ее преодоления.

Наряду с этим существует очень большая группа населения, которая испытывает значительные стрессы, давление, прессинг и другие формы в результате неблагоприятного психологического воздействия со стороны своих близких, непосредственного социального окружения. В ре-

зультате многие люди получают преждевременные инсульты, инфаркты, депрессии и другие заболевания, которые зачастую приводят к смерти или инвалидности. Из-за тяжелой психологической домашней атмосферы со стороны агрессора многие индивиды склонны к суициду.

В свое время в США был проведен контент-анализ СМИ по освещению ими домашнего насилия. Было установлено, что в них редко описывается история совместной жизни преступника и жертвы, то есть убийство рассматривается вне связи с породившими его причинами. Домашнее насилие в СМИ представляется, прежде всего, как физическое, а не психологическое насилие. В качестве примера демонстрации преступника и жертвы сознательно выбираются члены социальных групп с низким социальным статусом (алкоголики, наркоманы, и т.д.).

В уголовном праве Республики Беларусь насилие определяется как действия виновного, сопровождающиеся причинением потерпевшему физических и (или)

психических страданий. Также в уголовном праве содержится понятие – привилегированные убийства. Это такие убийства, в состав которых законодатель заранее уже включил смягчающие обстоятельства. Например, убийство матерью своего новорожденного ребенка под воздействием тяжелых родов или по причине того, что ребенок рожден вне брака, или отец ребенка не признает его своим, или отсутствуют средства к существованию и др.

Предлагаем ввести в научный оборот новое понятие: привилегированная виктимность. С нашей точки зрения оно будет отражать жертв психологического домашнего насилия со стороны близких людей или коллег на работе в результате моббинга.

В 2015 году в Беларуси было зафиксировано 485 разводов на 1000 браков. За многими из них стоят бесчисленные конфликты, упорное противостояние, насилие. Исходя из законов статистики, сюда можно отнести еще около 200 браков, в которых люди живут тихо и тихо ненавидят друг друга. Развестись мешает проблема раздела жилплощади, другого совместного имущества, наличие детей, внуков, пожилой возраст, неудобство перед общественным мнением и др. Практически мы описываем феномен, который назвали: «по эту сторону двери».

Люди стремятся тщательно следить за добавками в продуктах питания, ставят дорогие фильтры на воду, стремятся вести здоровый образ жизни, но часто теряют контроль за тем, что происходит в их жилище. Мы все хорошо помним, что великий Л.Н. Толстой сказал, что «Счастлив тот, кто счастлив дома». Мы также часто слышим, что на первом месте стоят сердечнососудистые заболевания и соответственно инвалидность и смерть от них. Причиной этого называют нездоровый образ жизни. В то же время в понятие здоровый образ жизни, как правило, включают правильное питание, физическую активность, отказ от табака, алкоголя, наркотиков и мало говорят о необходимости благоприятной психологической атмосферы в доме и на работе.

Практика показывает, что только в одной больнице скорой медицинской помощи г. Витебска в отделении интенсивной терапии в среднем еженедельно умирает 5-6 человек из-за критических состо-

яний (инфаркты, инсульты). Среди этих лиц, свидетельствуют медики, как правило, присутствуют и те, кто пострадал от домашнего насилия.

Наиболее распространенными способами психологического домашнего насилия являются:

- установление деспотом множества мелких правил, которые реально почти невозможно соблюдать;

- жесткий контроль со стороны агрессора за личной жизнью жертвы, в том числе за удовлетворением основных витальных потребностей (сон, отдых, питание);

- игнорирование, молчание;

- унижение и оскорбление достоинства личности;

- насильственная алкоголизация или наркотизация;

- проявление сексуального насилия с элементами перверсий (извращений);

- резкие и частые перепады настроения агрессора;

- попытки полного подчинения воли жертвы;

- неконструктивное вмешательство в семейные конфликты близких родственников и других лиц;

- перманентное раздувание и поддержание конфликтных ситуаций;

- вовлечение в конфликты детей и спекуляция отношениями с ними;

- отсутствие или нежелание со стороны агрессора проявления эмпатии, то есть способности понимать чувства другого человека и соответственно строить свое поведение;

- создание ситуации постоянной угрозы;

- длительное ущемление очень важных для лица стремлений, надежд, мечтаний;

- сексуальный шантаж.

В отличие от физического насилия, психологическое может носить как эксплицитный (открытый), так и имплицитный (закрытый) характер. Проявлению привилегированной виктимности в значительной степени может способствовать наличие у одной из сторон или обоих психических аномалий: неврозы, акцентуации характера, психопатии, аддикции. Психические аномалии могут серьезно усиливать психологическое насилие и еще больше делать жизнь жертвы катастрофической.

Сами по себе психические аномалии не криминогенны, но их присутствие у индивидов нарушает их функцию психической саморегуляции. Поэтому в неблагоприятных конфликтных и других ситуациях неизбежны реакции срыва. Наличие психических аномалий может маскироваться такими положительными качествами, как профессионализм, высокий уровень интеллекта, развитые навыки общения, умение устанавливать причинно-следственные связи, любовь к детям и др.

Исследование категории «стрессовая виктимность» предполагает тщательное изучение различных эмоциональных состояний индивида, состояние когнитивного диссонанса, эмоциогенных ситуаций. Эмоции составляют особую группу психических процессов и состояний. Эмоции – это импульсивная реакция, которая отражает отношение индивида к значимости воспринимаемого явления, осуществляет интуитивное определение связи данного явления с удовлетворением или неудовлетворением потребностей.

Различают эмоции стенические и астенические. Стенические эмоции активизируют жизнедеятельность организма, побуждают к действию (гнев, удивление и др.). Астенические эмоции угнетают и подавляют жизненные процессы в организме (печаль, стыд, смущение, страх, ужас и др.). Эмоции обеспечивают приспособление индивида в информационно-неопределенных ситуациях.

Также эмоции выполняют функцию оценки ситуации в двух аспектах:

- с позиции личной значимости;
- с позиции объективной вероятности.

Эмоциональные состояния могут оказывать значительное влияние на формирование индивидуальной виктимности. Для преодоления неприятных эмоциональных состояний в психике человека существуют определенные защитные механизмы. Под психологической защитой понимают специальную регулятивную систему стабилизации личности, действующую по устранению или сведения к минимуму чувства тревоги, связанного с осознанием конфликта. Ученые Ю.С. Савенко, Р. Урсано, К. Хорни исследовали роль психологических защитных механизмов личности. Защитные механизмы действуют на уровне подсознания. Особенно они актуализируются в ситуации

избыточной мотивации: стресса, конфликта, фрустрации и способствуют снижению эмоционального напряжения и обеспечивают регуляционную направленность поведения. Также защитные механизмы служат защитой от тревоги и фобий.

При рассмотрении ситуативной виктимности следует учитывать возможность возникновения эмоциогенной ситуации. Она обуславливается избыточной мотивацией и соотносится с реальными адаптационными возможностями индивида. Недостаточность адаптационных возможностей лица может объясняться повышенной тревожностью, подверженностью действия механизма социальной ингибиции, состоянием когнитивного диссонанса.

Внешние факторы (стимулы) могут усиливать или ослаблять мотивационный потенциал. В этой связи В.М. Бехтерев выделял три типа людей:

- социально возбудимые;
- социально тормозимые;
- социально индифферентные.

О.О. Андронникова рассматривает виктимное поведение с точки зрения диспозиционного поведения личности. В этом смысле поведение раскладывается на три составляющие: акт поведения, способ поведения, диспозиция поведения. Диспозиция поведения означает готовность, предрасположенность индивида к поведенческому акту, действию, поступку. В.А. Ядов данное положение представляет схемой: ситуация (условия деятельности) – диспозиции – поведение. Относительно виктимного поведения О.О. Андронникова предлагает схему: «ситуация – диспозиции – виктимное поведение» [1, с.35].

В.А. Ядов определил четыре уровня диспозиций:

- элементарные фиксированные установки. Здесь происходит регуляция непосредственных реакций индивида на актуальную ситуацию;
- диспозиции, которые формируются на основе потребности человека в общении. Данный уровень регулирует поступки личности в привычных ситуациях;
- диспозиции, которые фиксируют общую направленность интересов личности относительно конкретной сферы социальной активности;
- высший уровень диспозиций, обра-

зующий систему ценностных ориентаций личности.

Диспозиции ориентируют индивида в выборе видов и форм социального поведения, обеспечивают относительно постоянное отношение к окружающей действительности. Также диспозиции способствуют детерминирующему воздействию на личность определенного объекта в зависимости от его ценности для данного индивида. Отдельный акт проявления диспозиции зависит не только от ситуации, но и от актуального состояния внутренних условий системы, в которую внедрена соответствующая диспозиция [1, с.36].

Среди интегративных качеств личности выделяют адаптивность и способность к саморегуляции поведения, в том числе, виктимной личности в ситуации преступления. Регуляционную функцию поведения обеспечивают психические процессы, явления и состояния. Р. Берне считал, что жизнь человека в различных ее проявлениях представляет диалог между Я-концепцией и реальностью. При этом любая система саморегуляции касается опять же Я-концепции личности. Я-концепция – это сложная структура, существующая в сознании индивида как самостоятельный образ и включающая в себя как собственное Я, так и отношения, в которые Я может вступать. Одним словом Я-концепция – это все, что личность считает самим собой, что думает о себе. Я-концепция связана с самовоспитанием и формируется в процессе социализации.

О.А. Ключкова в своем диссертационном исследовании в виктимной личности определила иерархию саморегулирующейся системы в виде трех равноуровневых подструктур:

- психодинамические свойства;
- совокупность социально-обусловленных свойств личности;
- особенности Я-концепции [2, с.9].

Проведенное исследование показало, что психодинамические свойства у виктимных индивидов характеризуются слабостью силы и подвижности нервных процессов, их инертностью и неуравновешенностью. Также у виктимных лиц выявлен высокий уровень личностной тревожности, подверженности стрессам.

Исследование особенностей Я-концепции виктимных личностей по-

казало, что в их сознании настоящее в значительной мере определяется прошлым, в котором много страхов, опасений, неуверенности. Также в данном случае характерен пессимистический взгляд в будущее.

В данном контексте И.Г. Малкина-Пых утверждает, что главными свойствами виктимной личности являются:

- уклонение от принятия решения;
- зависимость от окружающих людей;
- несамостоятельность;
- низкий уровень знаний о себе;
- низкий уровень самопринятия, т.е.

пассивность адаптационного процесса.

Для виктимной личности характерны низкие адаптационные возможности. Лица с повышенной виктимностью зависят от окружения, не могут прогнозировать свое поведение, не умеют договариваться, не способны быстро реагировать на изменяющуюся обстановку, они не могут оперативно переключаться на другой тип поведения, боятся вести себя с окружающими естественно и раскованно, демонстрировать окружающим свои эмоции. О.В. Холочева в исследовании «Смысловая сфера виктимной личности» доказывает, что адаптационные возможности индивида определяются особенностями его ценностно-смысловой сферы. Известно, что психологический механизм смыслообразования является ведущим системообразующим фактором типа личности. Поведение человека обуславливается тем смыслом, который он придает результатам своего поведения. Механизм смыслообразования у виктимной личности, как и у личности преступника имеет свои специфические особенности и деформации.

Определено два основных типа адаптационных возможностей человека: активный и пассивный. Для виктимных личностей характерен пассивный тип их адаптации к окружающей действительности. Ярким примером пассивного адаптационного процесса является конформный тип личности. Конформность проявляется в таких чертах личности, как некритичность, беспринципность, безволие. Конформная личность обычно пассивно перенимает взгляды, цели и ценностные ориентации непосредственного окружения.

Р. Мэй считает, что низкие адаптационные возможности личности обусловлены ее ограниченной свободой при необхо-

димости выстраивать свои жизненные цели, модели поведения, перестраивать систему мотивов, установок, жизненных целей. В этой связи можно утверждать, что весомыми условиями формирования пассивной личности являются существенные дефекты ее социализации, а также наличие психических аномалий, в частности, таких, как акцентуации характера. Наряду с этим, личность с активным типом адаптационного процесса отличается в новых, необычных ситуациях, в том числе, в ситуациях риска большей мобильностью, динамичностью, нервно-психической и эмоционально-волевой устойчивостью.

Общие смысловые образования определяют ценностные ориентации индивида: его отношение к ценности жизни, совести, долге, чести, другим людям и к самому себе. По данным научных исследований (Д.А. Леонтьев, Д.В. Ольшанский, А.А. Реан, М.Е. Сандомирский, М.С. Яницкий) основным смыслообразующим элементом механизма смыслообразования личности выступает осмысленность жизни. Осмысленность жизни в смысловой сфере личности предполагает наличие цели в жизни, установление связей между прошлым, настоящим и будущим. По мнению В.М. Бехтерева именно смысловая сфера личности отражает личность с объективной стороны. Специфика механизма смыслообразования у виктимных личностей проявляется в том, что они не могут прогнозировать поведение других людей, не умеют находить компромиссы, преодолевать конфликтные ситуации, испытывают трудности при определении альтернативных вариантов поведения и принятия решений. Виктимные личности склонны настоящую жизнь больше окрашивать в темные, депрессивные тона и, наоборот, бу-

дущее они рисуют радужным и нереалистично приятным.

Ф.Б. Березин, определяя психическую адаптацию, рассматривает ее как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды. Это, по его мнению, позволяет индивидууму удовлетворять необходимые потребности и реализовывать значимые цели. Нарушение психической адаптации способствует виктимизации личности путем негативного изменения межличностной коммуникации, эмоциональных взаимоотношений. Исходя из этого, можно утверждать, что виктимное поведение есть проявление дезадаптации личности.

Преодолению негативных состояний способствует овладение философией внутренней свободы, медитация, а также внутренняя корпоративность. Под внутренней корпоративностью мы понимаем объединение внутри конкретной личности важных для нее ценностей. Например, во внутреннюю корпоративность может входить вера в Бога, единение с природой, любовь к себе, прошлый положительный опыт, позитивные межличностные связи и др. В конечном итоге, внутренняя корпоративность помогает индивиду построить новую оптимистичную модель своего поведения и отношений.

Введение понятия привилегированная виктимность позволяет более четко обозначить жертв домашнего насилия или неблагоприятной домашней среды. Привилегированная виктимность означает процесс превращения в жертву лица в результате психологического насилия со стороны родственников или близких людей. Популяризация привилегированной виктимности дает возможность лучшим образом предупредить значительную категорию людей о грозящей им реальной опасности («по эту сторону двери»).

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Андронникова, О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис. ...канд. психолог. наук: 19.00.01 / О.О. Андронникова. – Новосибирск, 2005. – С.35-36.
2. Клачкова, О.А. Структурная организация виктимной личности: автореф. дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01 / О.А. Клачкова. – Санкт-Петербург, 2008. – С.9.

СУХАРЕВ Андрей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.
E-mail: verona78@tut.by

Sukharev A. A.

PRIVILEGED VICTIMITY AS THE CONSEQUENCE OF PSYCHO- LOGICAL HOME VIOLENCE

Annotation. Most of all violent crimes are committed on domestic grounds. At the same time, in legal activity, physical domestic violence is mainly taken into account and analyzed, and not psychological. At the same time, there is a significant group of people experiencing a large adverse psychological impact from their loved ones. As a result, these people often suffer severe cardiovascular and other diseases that can lead to disability and premature death. The introduction of the concept of «privileged victimhood» into the scientific revolution will help prevent psychological domestic violence.

Keywords: *psychological domestic violence, privileged victimization, adaptive opportunities.*

SUKHAREV Andrey Aleksandrovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
E-mail: verona78@tut.by

Штефан А. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЬЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье исследуются нормы зарубежного законодательства, направленные на противодействие насилию в отношении несовершеннолетних. Отмечается, что не всеми уголовными кодексами зарубежных стран предусмотрена специальная глава, объединяющая нормы об ответственности за преступления против интересов несовершеннолетних. Выделены существенные различия видов и строгости наказаний, предусмотренных уголовным законодательством зарубежных стран.

Ключевые слова: предупреждение насилия, насилие в семье, насилие детей в зарубежных странах, наказание за убийство детей в семье в зарубежных странах, закон о предупреждении насилия в зарубежных странах.

Правовое обеспечение противодействия семейному насилию в отношении несовершеннолетних реализуется не только в рамках российского законодательства. Подобные нормы содержатся и в законах других государств, а также в международных правовых актах. Это обусловлено тем, что насилие в семье не является исключительно национальной проблемой Российской Федерации, насильственные посяательства на несовершеннолетних являются проблемой международного характера.

Как отмечает В.В. Лунеев, международное сообщество, начиная со Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), провозгласившей право человека на жизнь, личную неприкосновенность, запрет на насилие, пытки и жестокое обращение, во многих последующих правовых актах,

резолюциях и решениях неотступно развивало и отстаивало эти фундаментальные установления [1 С. 398]. Различные государства в международных правовых документах неоднократно признавали необходимость проведения активных мероприятий с целью всестороннего учета гендерных аспектов в любой политике и программах, связанных с насилием в отношении женщин; поощрения более решительных действий по борьбе с преступностью и насилием, особенно в отношении женщин, детей и пожилых людей; принятия решений, касающихся искоренения насилия в отношении женщин; возложения на себя обязательств принимать меры по прекращению насилия в отношении женщин и детей, сексуальной эксплуатации и всех форм торговли людьми [2].

В нашей стране, как и во многих других государствах, преступное насилие в отношении детей до сих пор часто подменяется и прикрывается воспитательными целями (так называемое «воспитательное» насилие), в связи с чем, по данным В.В. Лунеева, в России ежегодно подвергаются насилию около 2 млн. детей [1]. Как отмечается на официальном сайте Совета Европы, имеющиеся статистические данные указывают на то, что в развитых западных странах примерно каждый десятый ребенок или подросток становится жертвой жестокого обращения сексуального характера в той или иной форме: инцест, порнография, проституция, торговля людьми или домогательства [3]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что проблеме насилия в семье уделяется и впредь должно уделяться повышенное внимание, как со стороны законодателей, так и со стороны правоприменителей, как на международном, так и на внутригосударственном уровнях.

В связи и с этим во многих зарубежных государствах в рамках действующего уголовного законодательства предусмотрены соответствующие правовые нормы, направленные на защиту несовершеннолетних, в том числе и от насилия в семье.

Комплексный анализ уголовного законодательства зарубежных стран позволяет обнаружить значительный объем норм, закрепляющих ответственность за физическое насилие, причиняющее вред жизни или здоровью несовершеннолетнего [3]. В таких странах как Украина, Республика Казахстан, Республика Беларусь и российского уголовного законодательства, нет единого подхода к законодательному регулированию уголовной ответственности за физическое насилие, причиняющее вред жизни или здоровью несовершеннолетнего. Согласно уголовному законодательству вышеуказанных стран, выделим жесткие санкции за такие нормы как убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека (УК Республики Белоруссии), убийство матерью новорожденного ребенка (УК Украины), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения в

отношении несовершеннолетнего либо лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (УК Республики Казахстан); заражение венерической болезнью, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего (УК Республики Белоруссии); заражение ВИЧ-инфекцией, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего (УК Республики Белоруссии); доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства несовершеннолетнего (УК Украины) [5].

Отдельному регламентированию подвержены случаи применения физического насилия в отношении несовершеннолетних в семье и в уголовном законодательстве стран дальнего зарубежья.

Например, по Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (далее УК КНР) специальной нормой, предусматривающей уголовную ответственность за жестокое обращение с членами семьи, является ст. 260, часть первая которой устанавливает наказание за деяние, совершенное при отягчающих обстоятельствах. В соответствии же с ч. 2 ст. 260, жестокое обращение с членами семьи, повлекшее за собой тяжелые увечья или смерть потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет. Особенностью анализируемой нормы является то, что она закрепляет положение, в соответствии с которым указанное в части первой ст. 260 УК КНР преступление влечет за собой наказание только в случае подачи жалобы в суд, т.е. является преступлением частного обвинения [6 С. 175 – 176]. Аналогичное правило содержится и в § 5 ст. 157 Уголовного кодекса Польской Республики (далее УК Польши), в соответствии с которым при причинении вреда здоровью, за исключением тяжкого, когда нарушение функций органов тела или расстройство здоровья продолжалось более семи дней, а потерпевшим является самое близкое лицо, преследование указанного преступления осуществляется по его заявлению [7 С. 128-129]. Такие нормы являются характерными для европейского уголовного законодательства.

По Уголовному кодексу Японии (да-

лее УК Японии) убийство человека, состоящего в родстве по прямой восходящей линии с ним или его супругом, наказывается смертной казнью или бессрочным лишением свободы с принудительным физическим трудом (ст. 200). В случае совершения насилия, не повлекшего телесных повреждений, виновное лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок до двух лет, или денежного штрафа на сумму до трехсот тысяч иен, или уголовного ареста, или малого штрафа (ст. 208) [8 С. 123]. Следует отметить, что Особенная часть УК Японии не содержит главу, отдельно посвященную преступлениям против семьи или несовершеннолетних, которые в УК Японии фактически приравнены к взрослым лицам.

Уголовный кодекс Германии (далее УК ФРГ) предусматривает ответственность за физическое насилие в отношении несовершеннолетних в специальной норме – § 225 «Истязание опекаемых лиц», в соответствии с которой наказуемыми являются мучения, истязания, нанесение вреда здоровью, а равно злонамеренное пренебрежение своим долгом заботиться о потерпевшем, если эти деяния совершены в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, и если потерпевший находится на попечении или под покровительством виновного, или относится к семейству виновного, или предоставлен в распоряжение виновного, который обязан оказывать ему материальное вспомоществование, или подчинен виновному в рамках служебных и рабочих отношений. Данные деяния наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до десяти лет [9].

Кроме преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних в уголовном законодательстве зарубежных стран в соответствующих специальных нормах предусмотрена также и ответственность за преступные насильственные посягательства в половой сфере в отношении потерпевших, не достигших восемнадцати лет.

УК РК в п. «д» ч. 2 ст. 120 предусматривает ответственность за изнасилование заведомо несовершеннолетней, которое наказуемо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет, а в п. «в» ч. 3 ука-

занной статьи предусмотрена повышенная уголовная ответственность за изнасилование потерпевшей, заведомо не достигшей четырнадцатилетнего возраста. Аналогичные санкции содержатся и в ст. 121 УК РК, предусматривающей ответственность за насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении заведомо несовершеннолетнего лица (п. «д» ч. 2 ст. 121) и в отношении лица, заведомо для виновного не достигшего четырнадцатилетнего возраста (п. «в» ч. 3 ст. 121) [10]. Подобным образом вопрос решается и по Уголовному кодексу ФРГ. УК ФРГ содержит значительное количество уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступные насильственные посягательства в половой сфере в отношении несовершеннолетних. Отдельной нормой, предусматривающей ответственность за принуждение к сексуальным действиям (изнасилование) является § 177 [9].

В соответствии с ч. 2 ст. 166 и ч. 2 ст. 167 УК РБ, наказуется изнасилование либо насильственные действия сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетней (несовершеннолетнего), а по ч. 3 соответствующей статьи наказуется изнасилование либо насильственные действия сексуального характера в отношении заведомо малолетней (малолетнего). А также в числе насильственных посягательств в половой сфере, совершаемых против несовершеннолетних, можно выделить вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении заведомо несовершеннолетнего, которое наказуется лишением свободы на срок от трех до пяти лет (ч. 2 ст. 171-1 УК РБ). Если же данные деяния совершаются родителем, педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, то они наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет (ч. 3 ст. 171-1 УК РБ) [11 С. 230-234].

Аналогичные санкции предусмотрены по украинскому уголовному законодательству за изнасилование несовершеннолетней либо несовершеннолетнего, изнасилование малолетней либо ма-

лолетнего, насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах, совершенное в отношении несовершеннолетней либо несовершеннолетнего, понуждение либо вовлечение в занятие проституцией путем применения насилия либо угрозы его применения в отношении несовершеннолетнего [12 С. 135-137].

Более жестче предусмотрена ответственность за насильственные половые посяательства в отношении несовершеннолетних по УК КНР. В соответствии со ст. 236, лишением свободы на срок от трех до десяти лет наказывается виновное лицо, совершившее изнасилование с применением к женщине угроз и насилия. Также в ст. 236 УК КНР закреплено, что развратные действия по отношению к девушке, не достигшей четырнадцати лет, расцениваются как изнасилование и наказываются максимально строгим наказанием из предусмотренных, т.е. десятью годами лишения свободы, а совершенные развратные действия по отношению к девушке с отягчающими обстоятельствами (особая жестокость, неоднократность, публичное изнасилование, причинение пострадавшей серьезных травм, наступление в результате изнасилования смерти или иных тяжких последствий) наказываются лишением свободы на срок свыше десяти лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью. В соответствии со ст. 237 УК КНР, надругательство над ребенком наказывается самым суровым наказанием [6].

Уголовный закон Японии закрепляет в ст. 176 ответственность за развратные действия с применением насилия с назначением наказания в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок от шести месяцев до семи лет. Статья 177 УК Японии предусматривает более строгое наказание за изнасилование в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок не ниже двух лет [8 С. 126].

УК Франции специальную ответственность за половые насильственные преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, предусматривает в следующих нормах: в ст. 222-24 – изнасилование, в ст. 222-25 – изнасилование, повлекшее смерть потерпевшего, в ст. 222-26 – изнасилование, если ему предшествовали, его сопровождали или

за ним следовали пытки или акты жестокости (наказывается пожизненным уголовным заключением); в ст. 222-29 – сексуальные агрессии, не являющиеся изнасилованием, если они совершены в отношении несовершеннолетнего, не достигшего пятнадцатилетнего возраста (наказываются тюремным заключением сроком на семь лет) [4 С. 179 – 193].

Подводя итоги сравнительного анализа уголовного законодательства зарубежных стран в области предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, автор приходит к выводу о наличии значительного количества отличительных моментов (несмотря на общую тенденцию установления достаточно суровых санкций) в регламентации различных проявлений разрушительного сексуального воздействия. Вместе с тем, данная сфера уголовно-правовой охраны в условиях всех государств, как полагает автор, должна иметь более или менее унифицированные подходы. Аналогично ранее предложенной схеме, выделяются наиболее жесткие санкции, предусмотренные уголовным законом УК Японии, УК Украины, УК РФ.

По моему мнению, учитывая особый деструктивный характер сексуального насилия в отношении детей, порождающего последствия как физического, так и психологического характера, законодателью России следует учесть позитивный опыт зарубежной законодательной регламентации. Это позволит существенно усилить гарантии половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних.

Помимо рассмотренных выше уголовно-правовых норм об ответственности за физическое насилие и преступные насильственные посяательства в половой сфере, совершаемые в отношении несовершеннолетних, в законодательстве зарубежных стран закреплены и нормы, предусматривающие наказуемость различных деяний, выражающихся в ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и жестоким обращением с ними.

Например, в ст. 137 УК РК предусматривается ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на

которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником учебного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Самое строгое наказание за указанное преступление – ограничение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Также в уголовном законодательстве Казахстана имеется норма (ст. 139), в соответствии с которой лишением свободы на срок до двух лет наказываются использование опеки или попечительства в корыстных или иных низменных целях во вред опекаемому (подопечному) или умышленное оставление опекаемого (подопечного) без надзора или необходимой помощи, повлекшее существенное ущемление прав и законных интересов опекаемого (подопечного) [10, С. 45.]. Санкции УК РК мягче санкций УК Испании, где наказываются лишение свободы на срок до четырех лет оставление недееспособного или ребенка до 16 лет лицом, обязанным его охранять (подобной можно признать норму ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности», расположенную в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья»).

В УК РБ ответственность за злоупотребление правами опекуна или попечителя предусмотрена ст. 176, в соответствии с которой использование опеки или попечительства в корыстных целях, либо жестокое обращение с подопечными, либо умышленное оставление их без надзора или необходимой помощи, повлекшее существенное ущемление прав и законных интересов подопечных предусматривает самое строгое наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет [11]. Следует заметить, что в УК РБ нет специальной нормы об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Украинский законодатель предусматривает ответственность за посягательства, связанные с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних в ст. 166 и ст. 167 УК Украины и, следует особо акцентировать внимание на данном обстоятельстве в том, что он

установил самые суровые санкции за такого рода деяния. Санкция первой указанной нормы за злостное невыполнение родителями, опекунами либо попечителями установленных законом обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, в отношении которого установлена опека либо попечительство, повлекшее тяжкие последствия предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет. Вторая норма предусматривает наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет в качестве преступления использование опеки либо попечительства в корыстных целях во вред подопечному [12 С. 264-265.].

Уголовный кодекс Франции содержит главу VII «О посягательствах на несовершеннолетних и на семью», в которой предусмотрена уголовная ответственность за оставление несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет (ст. 227-1), уклонение от уплаты средств и пособий в пользу несовершеннолетнего ребенка (ст. 227-3 «Об отказе от семьи»), похищение несовершеннолетнего или его незаконное удержание (ст. 227-5 — 227-11); подстрекательство к отказу от ребенка и посредничество в этом (аналог данной нормы отсутствует в уголовном законе России, несмотря на очевидную общественную опасность) - наказываются тюремным заключением до 1 года и крупным денежным штрафом; оставление в опасности несовершеннолетнего ребенка в возрасте не более 15 лет (ст. 227-15); уклонение родителей от установленных законом обязанностей по воспитанию ребенка (ст. 227-17). Таким образом, круг деяний, посягающих на несовершеннолетних, в УК Франции является весьма широким, и за них установлена повышенная, по сравнению с УК РФ, уголовная ответственность. В то же время в УК Франции недостаточно четко определена ответственность за совершение сделок в отношении несовершеннолетних, значительно сокращено количество квалифицирующих признаков. За ряд преступлений, предусмотренных главой VII, к ответственности могут быть привлечены юридические лица, что, как уже указывалось, противоречит российской законодательной доктрине.

Специальная глава, которая бы объединяла бы нормы об ответственности за преступления против интересов несовершеннолетних, также отсутствует в уго-

ловных законах некоторых стран дальнего зарубежья. В частности, нет такой главы в УК КНР, УК Японии, УК Голландии и некоторых других зарубежных уголовных законах. Однако справедливости ради следует заметить, что для большинства зарубежных государств наличие такой главы в системе уголовного законодательства все же характерно, но с несколько иным наименованием. Так, в УК Австрии раздел девятый называется «Преступления против брака и семьи», в УК Швеции – глава седьмая «О преступлениях против семьи», в УК Дании – глава двадцать третья «Преступления против семейных отношений», в УК Польши – глава двадцать шестая «Преступления против семьи и опеки», в УК ФРГ – раздел двенадцатый «Наказуемые деяния против гражданского состояния, брака и семьи», УК Франции – глава седьмая отдела седьмого «О посягательствах на несовершеннолетних лиц и семью». Рассмотрим для примера некоторые положения указанных уголовных законов зарубежных стран.

В УК КНР, как уже указывалось, нет отдельной главы об ответственности за преступления против интересов несовершеннолетнего, а нормы, предусматривающие уголовное наказание за совершение деяний, выражающихся в ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и жестоким обращении с ними, объединены в главе четвертой Особой части «Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав граждан». К ним относится ранее проанализированная ст. 260, в соответствии с которой преступным признается жестокое обращение с членами семьи при отягчающих обстоятельствах, а также ст. 261, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет для лиц, обязанных осуществлять уход за стариками, младенцами, больными, не способными самостоятельно обслуживать себя, и отказавшихся от выполнения своих обязанностей, при отягчающих обстоятельствах [6].

В уголовном законе Германии ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних предусмотрена в § 171 УК ФРГ «Нарушение обязанности попечения и воспитания». Французское уголов-

ное законодательство предусматривает целый ряд норм об ответственности за преступления, связанные с жестоким обращением и ненадлежащим воспитанием несовершеннолетних. Например, по ст. 227-1 наказывается семью годами тюремного заключения оставление несовершеннолетнего лица в возрасте до пятнадцати лет, в каком бы то ни было месте, за исключением случаев, когда обстоятельства оставления позволяли обеспечить его здоровье и безопасность. В соответствии же со ст. 227-2 наказывается двадцатью годами уголовного заключения оставление несовершеннолетнего лица в возрасте до пятнадцати лет, повлекшее его увечье или хроническое заболевание, и тридцатью годами уголовного заключения наказывается оставление такого несовершеннолетнего, повлекшее его смерть. В соответствии со ст. 227-15, предусмотрено наказание в виде семи лет тюремного заключения за деяние, выразившееся в лишении несовершеннолетнего лица в возрасте до пятнадцати лет пищи или попечения и представляющее опасность для его здоровья, совершенное законным, естественным или приемным родственником по восходящей линии или любым другим лицом, осуществляющим в отношении несовершеннолетнего родительские права или имеющим законные права в отношении несовершеннолетнего. Указанное преступное деяние наказывается тридцатью годами уголовного заключения, если оно повлекло смерть потерпевшего (ст. 227-16). Двумя годами тюремного заключения наказывается уклонение естественного, законного или приемного отца или матери без законного на то основания от выполнения своих, установленных законом, обязанностей, представляющее опасность для здоровья, безопасности, нравственности или воспитания их несовершеннолетнего ребенка (ст. 227-17) [4]. Причем во всех перечисленных случаях, если речь идет о несовершеннолетнем лице в возрасте до пятнадцати лет или если действия совершены внутри какого-либо школьного или воспитательного учреждения, либо в случаях входа или выхода учащихся, на подступах к такому учреждению наказание ужесточается в полтора-два раза.

Необходимо отметить то, что уголовная ответственность за такие преступле-

ния против семьи, как двоебрачие (§ 171 УК ФРГ), подстрекательство к отказу от ребенка и посредничество в этом (ст. 227-12 УК Франции), невыполнение обязанностей по содержанию родственника или супруга (ст. 227-3 УК Франции) и т.д., не имеют российских аналогов ни в главе 20 УК РФ, ни в каких других главах УК РФ.

Сравнительный анализ санкций статей УК различных стран показал существенные различия видов и строгости предусмотренных ими наказаний. Так, § 170В УК ФРГ предусматривает наказание за уклонение от уплаты средств на содержание супруга или детей в виде лишения свободы до 3 лет или денежного штрафа, В соответствии со ст. 157 УК РФ данное деяние наказуемо обязательными работами на срок от сто двадцати до сто восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев. Похищение (захват) ребенка по ст. 240 УК КНР наказуется лишением свободы на срок от 5 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью, а по ст. 126 УК РФ – лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового). Данное обстоятельство является дополнительным подтверждением тому, что, несмотря на серьезные проблемы в реальном обеспечении прав и интересов несовершеннолетних в России, санкции за совершение многих соответствующих посягательств являются гораздо более мягкими, нежели в зарубежном законодательстве.

Анализ законодательных особенностей уголовно-правовой регламентации посягательств на несовершеннолетних позволил автору исследования сформулировать следующие выводы:

1) с одной стороны, уголовные законы зарубежных стран предусматривают ответственность за большое количество

различных насильственных преступлений, причиняющих вред жизни, здоровью, половой свободе и неприкосновенности несовершеннолетних, их нормальному развитию и воспитанию;

2) с другой стороны, результаты изучения уголовного законодательства некоторых стран ближнего и дальнего зарубежья показывают, что с точки зрения законодательной техники качество правовой регламентации уголовной ответственности за насильственные посягательства в отношении несовершеннолетних в зарубежных странах находится на разном уровне;

3) необходимо отметить, что не во всех исследуемых уголовных законах стран ближнего зарубежья предусмотрена специальная глава, объединяющая нормы об ответственности за преступления против интересов несовершеннолетних;

4) по уголовному законодательству большинства зарубежных стран наказуемость насильственных преступлений против интересов несовершеннолетних достаточно строгая;

4) в направлении совершенствования правовых мер противодействия семейному насилию в отношении несовершеннолетних, закрепленных в УК РФ и иных законах, отечественному законодателю необходимо, прежде всего, осуществить ратификацию международных правовых актов и имплементацию их норм, направленных на защиту детей от насилия, в том числе и в семье;

5) в целях повышения эффективности названных мер следует ориентироваться не только на международный опыт, но и на опыт отдельных зарубежных государств, в уголовном законодательстве которых нормы об ответственности за преступления против интересов несовершеннолетних содержательно предусматривают наиболее широкий перечень видов соответствующего преступного поведения.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.

2. Хартия европейской безопасности (Принята в г. Стамбуле 19 ноября 1999 г.); Резолюция 52/86 Генеральной Ассамблеи ООН «Меры в области предупреждения преступности и уголовного правосудия с целью искоренения насилия в отношении женщин» (Принята в г. Нью-Йорке 12 декабря 1997 г. на 70-ом пленарном заседании 52-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Декларация о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии (Принята в г. Нью-Йорке 9 июня 2001 г. Резолюцией S-25/2 на 6-ом пленарном заседании 25-ой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

3. Защитим детей / http://www.coe.int/t/dc/files/themes/exploitation-sexuelle/default_RU.asp.

4. Уголовный кодекс Франции / под ред. Н. Е. Крыловой; перевод с французского и предисловие канд. юрид. наук, доц. Н. Е. Крыловой. СПб. : Изд-во Юридический центр Пресс, 2002.

5. Штефан А.В. Насилие в отношении несовершеннолетних в семье: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам уральского федерального округа) : автореферат диссертации // URL: <http://lawtheses.com/nasilie-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-semie-ugolovno-pravovoy-i-kriminologicheskij-aspekty>

6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева, пер. с китайского Д. В. Вичикова. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2001.

7. Уголовный кодекс Республики Польша / под ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецова; перевод с польского Д. А. Барилевич. СПб., 2001.

8. Уголовный кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2002.

9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под ред. Д. А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Йешека; перевод с немецкого Н. С. Рачковой. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2003. С. 380 – 381.

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Алматы : ЮРИСТ, 2002.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года / Предисловие проф. Б. В. Волженкина; Обзорная статья А. В. Баркова. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2001.

12. Уголовный кодекс Украины / под ред. В. Я. Тация и В. В. Сташиса; перевод с украинского В. Ю. Гиленченко. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2001.

ШТЕФАН Алёна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института права Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет», город Челябинск.
E-mail: al.schtefan2011@yandex.ru

Schtefan A. V.

FETURES OF WARNING OF VIOLENCE IN REGARD TOMINOR IN FAMILY SOFTWARES TO LEGISLATION OFFOREIGN COUNTRIES

This article takes a look at the rules of foreign law, aimed at counteracting violence against minors. It is noted that not all criminal codes of foreign countries, a special chapter, combining rules on liability for offences against minors. Highlighted significant differences in types and severity of penalties under the criminal law of foreign countries.

Keywords: *Prevention of violence, domestic violence, violence to children in foreign countries, the penalty for killing children in foreign countries, law on the prevention of violence in foreign countries.*

SCHTEFAN Alena Vladimirovna, candidate of legal sciences, associate professor of department of criminal law and criminology of Institute of right for Federal public educational institution of higher education the “Chelyabinsk state university”, city Chelyabinsk.

E-mail: al.schtefan2011@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **5–15 страниц формата А4**

должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции и выражает свое согласие на размещение в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.
- Аннотация (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**. Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.
- Абзацный отступ («красная строка») – **1,0 см**.

- Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в конце текста. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся используемой литературой или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

К РУКОПИСИ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной на сайте издания форме.

3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimology@mail.ru.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

АНКЕТА АВТОРА*

представленной в редакцию рукописи статьи:

(название статьи)

Ф.И.О. (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данную анкету, автор дает согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ» является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет.

«__» _____ 20__ г.

_____ / _____ /

* В случае подготовки статьи в соавторстве анкета предоставляется каждым из авторов.

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 2(12) / 2017

Дата выхода в свет 30.03.2017. Формат 70×108 1/16.

Усл.-печ. л. 6,3. Тираж 300 экз. Заказ № 153/311.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.

454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76

VICTIMOLOGY

No. 2(12) / 2017

Date of publication of the 30.03.2017. Format 70×108 1/16.

Conventional printed sheet 6,3. Circulation – 300 issues. Order No 153/311.

Open price.

Printed in the printing house of the Publishing Center of SUSU.

76, Lenina Str., Chelyabinsk, 454080